

Те слова, что мы не сказали друг другу

Автор:

Марк Леви

Те слова, что мы не сказали друг другу

Марк Леви

За два дня до свадьбы Джулии позвонил секретарь ее отца, Энтони Уолша. Как она и думала, отец – блестящий бизнесмен, но законченный эгоист, с которым она уже давно практически не общается, – не будет присутствовать на церемонии. Правда, на сей раз Энтони нашел поистине безупречный предлог: он умер. Джулия невольно замечает трагикомическую сторону случившегося: отцу всегда был присущ особый дар врываться в ее жизнь, нарушая все планы. В мгновение ока предстоящее торжество обернулось похоронами. Но это, оказывается, не последний сюрприз, приготовленный Джулии отцом...

Марк Леви

Те слова, что мы не сказали друг другу

Marc Levy

Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites

www.marclevy.info

© 2008 Marc Levy / Susanna Lea Associates

© Фото на обложке. Bruce Brukhardt/Corbis

© Волевич И., перевод на русский язык, 2009

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

Издательство Иностранка

Марк Леви – популярный французский писатель, его книги переведены на 45 языков и расходятся огромными тиражами. Первый же его роман «Между небом и землей» поразил необычайным сюжетом и силой чувств, способных творить чудеса. И не случайно права на экранизацию сразу приобрел мэтр американского кинематографа – Стивен Спилберг, а поставил фильм один из модных режиссеров Голливуда – Марк Уотерс.

Есть два способа смотреть на жизнь:

так, словно на свете не может быть никакого чуда,

или так, словно все на свете – сплошное чудо.

Альберт Эйнштейн

Посвящается Полине и Луи

– Ну и как ты меня находишь?

– Повернись-ка, дай я на тебя гляну еще разок сзади.

– Стенли, ты уже целых полчаса пялишься на меня со всех сторон, у меня больше сил нет торчать на этом подиуме!

– Я бы укоротил: прятать такие ноги, как у тебя, – это просто кощунство!

– Стенли!

– Ты же хотела услышать мое мнение, так? Ну-ка повернись еще разок ко мне лицом! Ага, так я и думал: вырез, что спереди, что сзади, совершенно одинаковый; по крайней мере, если и посадишь пятно, возьмешь да перевернешь платье, и никто ничего не заметит!

– Стенли!!!

– И вообще, что это за выдумки – покупать свадебное платье на распродаже, у-у-ужас! Тогда почему бы не через Интернет?! Ты хотела знать мое мнение – ты его слышала.

– Ну прости, я не могу позволить себе ничего лучшего при моей зарплате компьютерного графика.

– Художницы, принцесса ты моя, не графика, а художницы! Господи, как я ненавижу этот машинный жаргон двадцать первого века!

– Что делать, Стенли, я ведь работаю и на компьютере, и фломастерами!

– Моя лучшая подруга рисует, а потом оживляет своих прелестных зверюшек, так что запомни: с компьютером или без, ты художница, а никакой не компьютерный график; и вообще, что за дела – тебе обязательно нужно спорить по каждому поводу?

– Так мы укорачиваем или оставляем как есть?

– На пять сантиметров, не меньше! И потом, необходимо убрать в плечах и сузить в талии.

– В общем, мне все ясно: ты возненавидел это платье.

– Я этого не говорю!

– Не говоришь, но думаешь.

– Умоляю тебя, разреши мне взять часть расходов на себя, и давай заглянем к Анне Майер! Ну послушай меня хоть раз в жизни!

– Зачем? Чтобы купить платье за десять тысяч долларов? Да ты просто рехнулся! Можно подумать, у тебя есть такие деньги, и вообще – это всего-навсего свадьба, Стенли.

– Твоя свадьба.

– Я знаю, – вздохнула Джулия.

– И твой отец, при его-то богатстве, вполне мог бы...

– Последний раз я мельком видела отца, когда стояла у светофора, а он проехал мимо меня по Пятой авеню... и было это полгода тому назад. Так что давай закроем эту тему!

И Джулия, пожав плечами, спустилась с возвышения. Стенли взял ее за руку и обнял.

– Дорогая моя, тебе пошло бы любое платье на свете, я просто хочу, чтобы оно было безупречно. Почему бы не предложить твоему будущему мужу подарить его тебе?

– Потому что родители Адама и без того оплачивают свадебную церемонию, и я чувствовала бы себя намного лучше, если б в его семье прекратились разговоры о том, что он женится на Золушке.

Стенли танцующей походкой пересек торговый зал. Продавцы и продавщицы, увлеченно болтавшие у прилавка рядом с кассой, не обращали на него никакого внимания. Он снял с вешалки у витрины узкое белое атласное платье и вернулся обратно.

– Ну-ка примерь вот это, только не вздумай возражать!

– Стенли, это же тридцать шестой размер, я в него никогда не влезу!

– Делай что тебе говорят!

Джулия закатила глаза и покорно направилась к примерочной, куда указал ей Стенли.

– Стенли, это тридцать шестой размер! – повторила она, скрываясь в кабинке.

Несколько минут спустя занавеску открыли – рывком, так же решительно, как только что задернули.

– Ну вот, наконец-то я вижу нечто похожее на свадебное платье Джулии! – воскликнул Стенли. – Пройдись-ка еще разок по подиуму.

– А у тебя не найдется лебедки, чтобы затащить меня туда? Стоит мне поднять ногу...

– Оно тебе чудо как идет!

– Возможно, но если я проглочу хоть одно печенье, оно лопнет по швам.

– Невесте не подходит есть в день свадьбы! Ничего, чуточку распустим вытачку на груди, и ты будешь смотреться как королева!.. Слушай, нас когда-нибудь удостоит вниманием хотя бы один продавец в этом чертовом магазине?

– По-моему, это я сейчас должна нервничать, а не ты!

– Я не нервничаю, я просто поражаюсь, что за четыре дня до свадебной церемонии именно я должен таскать тебя по магазинам, чтобы купить платье!

– У меня в последнее время работы было по горло! И пожалуйста, не проговорись Адаму о сегодняшнем дне, я ему еще месяц назад поклялась, что все готово.

Стенли взял подушечку с булавками, оставленную кем-то на подлокотнике кресла, и опустился на колени перед Джулией.

– Твой будущий муж не понимает, как ему повезло: ты просто чудо.

– Хватит придираться к Адаму. И вообще, в чем ты его упрекаешь?

– В том, что он похож на твоего отца...

– Не болтай глупостей. У Адама нет ничего общего с моим отцом; кроме того, он его терпеть не может.

– Адам – твоего отца? Браво, это очко в его пользу!

– Да нет же, это мой отец ненавидит Адама.

– О, твой родитель ненавидит все, что к тебе приближается. Если бы у тебя была собака, он бы ее искусал.

– А вот и нет: если бы у меня была собака, она бы сама искусала моего отца, – рассмеялась Джулия.

– А я говорю, что твой отец искусал бы собаку!

Стенли поднялся и отступил на несколько шагов, любуясь своей работой. Покачав головой, он испустил тяжкий вздох.

– Ну что еще? – насторожилась Джулия.

– Оно безупречно... или нет, это ты безупречна! Дай-ка я прилажу тебе пояс, а потом можешь вести меня обедать.

– В любой ресторан на твой выбор, Стенли, милый!

– Солнце так жарит, что мне подойдет ближайшая терраса кафе – при условии, что она будет в тени и что ты перестанешь дрыгаться, иначе я никогда не закончу с этим платьем... почти безупречным.

– Почему почти?

– Потому что оно продается с уценкой, моя дорогая!

Проходившая мимо продавщица спросила, не нужна ли им помощь. Величественным взмахом руки Стенли отверг ее предложение.

– Ты думаешь, он придет?

– Кто? – спросила Джулия.

– Твой отец, дурочка!

– Кончай говорить о моем отце. Я же тебе сказала, что уже много месяцев ничего о нем не слышала.

– Ну, это еще ничего не значит...

– Он не придет!

– А ты ему давала знать о себе?

– Слушай, я давным-давно отказалась посвящать в свою жизнь личного секретаря отца, потому что папа то в отъезде, то на совещании, и ему некогда лично побеседовать со своей дочерью.

– Но хоть извещение о свадьбе ты ему послала?

– Ты скоро закончишь?

– Сейчас, сейчас! Вы с ним похожи на старую супружескую чету: он ревнует. Впрочем, все отцы ревнуют своих дочерей! Ничего, это у него пройдет.

– Смотри-ка, я впервые слышу, что ты его защищаешь. Если уж мы и похожи на старую супружескую чету, то на такую, которая развелась много лет назад.

В сумке Джулии зазвучала мелодия «I Will Survive»[1 - «Я буду жить» (англ.)]. Стенли вопросительно взглянул на свою подругу:

– Дать тебе мобильник?

– Это наверняка Адам или из студии...

– Только не двигайся, а то испортишь всю мою работу. Сейчас я его принесу.

Стенли запустил руку в бездонную сумку Джулии, извлек из нее мобильник и вручил хозяйке. Глория Гейнор тотчас смолкла.

– Слишком поздно, уже отключились, – шепнула Джулия, взглянув на обозначившийся номер.

– Так кто это – Адам или с работы?

– Ни то ни другое, – угрюмо ответила Джулия.

Стенли пытливо посмотрел на нее:

– Ну что, будем играть в угадайку?

– Звонили из офиса отца.

– Так перезвони ему!

– Ну уж нет! Пусть звонит сам.

– Но он только что именно это и сделал, не так ли?

– Нет, это сделал его секретарь, я же знаю его номер.

– Слушай, ты ведь ждешь этого звонка с той самой минуты, как опустила в почтовый ящик извещение о свадьбе, так брось эти детские обиды. За четыре дня до вступления в брак не рекомендуется впадать в стресс, иначе у тебя вскочит огромная болячка на губе или багровый фурункул на шее. Если ты этого не хочешь, сейчас же набери его номер.

– Чего ради? Чтобы Уоллес сообщил мне, что мой отец искренне огорчен, поскольку именно в этот день должен уехать за границу и, увы, не сможет отменить поездку, запланированную много месяцев назад? Или, например, что у него akurat на этот день намечено дело чрезвычайной важности? Или придумает еще бог знает какое объяснение.

– А вдруг твой отец скажет, что будет счастлив прийти на бракосочетание дочери и звонил, просто желая удостовериться, что она усадит его на почетное место за свадебным столом?

– Моему отцу плевать на почет; если он и явится, то выберет место поближе к раздевалке – конечно, при условии, что рядом будет достаточно смазливая молодая женщина.

– Ладно, Джулия, забудь о своей ненависти и позвони... А впрочем, делай как знаешь, только предупреждаю: вместо того чтобы наслаждаться свадебной церемонией, ты все глаза проглядишь, высматривая, пришел он или нет.

– Вот и хорошо, это отвлечет меня от мыслей о закусках, ведь я не смогу проглотить ни крошки, иначе платье, что ты мне выбрал, лопнет по швам.

– Ну, милочка, ты меня достала! – едко сказал Стенли и направился к выходу. – Давай пообедаем как-нибудь в другой раз, когда ты будешь в более подходящем настроении.

Джулия оступилась и чуть не упала, второпях спускаясь с подиума. Она догнала Стенли и крепко обняла:

– Ну прости, Стенли, я не хотела тебя обижать, просто я очень расстроена.

– Чем – звонком от отца или платьем, которое я так неудачно выбрал и подогнал по тебе? Кстати, обрати внимание: ни один шов не лопнул, когда ты так неуклюже спускалась с подиума.

– Твое платье великолепно, а ты – мой лучший друг, и без тебя я никогда в жизни не решилась бы пойти к алтарю.

Стенли внимательно посмотрел на Джулию, вынул из кармана шелковый платок и вытер ее мокрые глаза.

– Ты действительно хочешь прошествовать к алтарю под ручку с ненормальным приятелем или, может, у тебя родился коварный замысел – заставить меня изображать твоего сволочного папеньку?

– Не обольщайся, у тебя недостаточно морщин, чтобы выглядеть в этой роли правдоподобно.

– Балда, это же я тебе делаю комплимент, намекаю, как ты еще молода.

– Стенли, я хочу, чтобы к моему жениху подвел меня именно ты! Ты, и никто другой!

Он улыбнулся и мягко сказал, указывая на мобильник:

– Позвони отцу! А я пойду и дам кое-какие распоряжения этой идиотке-продавщице, – она, по-моему, знать не знает, как обращаться с клиентами; растолкую ей, что платье должно быть готово послезавтра, а потом мы наконец пойдем обедать. Давай, Джулия, звони скорей, я умираю с голоду!

Стенли развернулся и направился к кассе. По дороге он украдкой взглянул на Джулию и увидел, что она, поколебавшись, все же набирает номер. Он воспользовался моментом и незаметно вынул собственную чековую книжку, рассчитался за платье, за подгонку и приплатил за срочность: оно должно быть готово через два дня. Сунув квитанции в карман, он вернулся к Джулии как раз, когда она выключила мобильник.

– Ну что, придет? – нетерпеливо спросил он.

Джулия покачала головой.

– И какой же предлог он выставил на сей раз в свое оправдание?

Джулия глубоко вздохнула и пристально взглянула на Стенли:

– Он умер!

С минуту друзья молча смотрели друг на друга.

– Н-да, предлог, должен сказать, безупречный, не подкопаешься! – наконец пробормотал Стенли.

– Слушай, ты что, совсем сдурел?

– Извини, так просто вырвалось... сам не знаю, что на меня нашло. Я тебе очень сочувствую, дорогая.

– А я ничего не ощущаю, Стенли, ровно ничего – ни малейшей боли в сердце, даже поплакать не хочется.

– Не беспокойся, все придет потом, до тебя пока еще не дошло по-настоящему.

– О нет, дошло.

– Может, позвонишь Адаму?

– Только не сейчас, попозже.

Стенли обеспокоенно взглянул на свою подругу:

– Ты не хочешь сообщить жениху, что твой отец сегодня умер?

– Он умер вчера вечером в Париже; тело доставят самолетом, похороны через четыре дня, – еле слышно сказала Джулия.

Стенли быстро подсчитал, загибая пальцы.

– То есть в эту субботу! – воскликнул он, вытаращив глаза.

– Вот именно, как раз в день моей свадьбы, – прошептала Джулия.

Стенли тотчас направился к кассе, аннулировал покупку и вывел Джулию на улицу.

– Давай-ка я приглашу тебя на обед!

Нью-Йорк был залит золотистым светом июньского дня. Друзья пересекли Девятую авеню и направились к «Пастису» – французскому ресторану с настоящей французской кухней в стремительно менявшемся квартале Meat Packing District[2 - Район мясных складов (англ.)]. За последние годы старинные склады уступили место роскошным магазинам и бутикам ультрамодных кутюрье. Престижные отели и торговые центры вырастали тут как грибы. Бывшая заводская узкоколейка превратилась в зеленый бульвар, который тянулся вплоть до Десятой улицы. Первый этаж старого завода, уже прекратившего свое существование, занимал рынок биопродуктов, на других этажах обосновались производственные компании и рекламные агентства, а на самом верху располагалась студия, где работала Джулия. Берега Гудзона, также благоустроенные, стали теперь длинной прогулочной зоной для велосипедистов, любителей бега трусцой и влюбленных безумцев, облюбовавших манхэттенские скамейки, – прямо как в фильмах Вуди Аллена. Уже с вечера четверга квартал заполняли обитатели соседнего Нью-Джерси, они переправлялись через реку,

чтобы побродить по набережной и развлечься в многочисленных модных барах и ресторанах.

Когда друзья наконец устроились на открытой террасе «Пастиса», Стенли заказал два капучино.

– Мне давно следовало бы позвонить Адаму, – виновато сказала Джулия.

– Если только для того, чтобы сообщить о смерти отца, то несомненно. Но если ты хочешь заодно сказать ему, что придется отложить свадьбу, что нужно предупредить священника, ресторатора, гостей, а главное, его родителей, тогда все это может немного подождать. Смотри, какая чудная погода, – пусть Адам поживет спокойно еще часок, прежде чем ты испортишь ему день. И потом, у тебя траур, а траур все извиняет, так воспользуйся этим!

– Как я ему скажу?..

– Дорогая моя, он должен понять, что довольно трудно и похоронить отца, и выйти замуж в один и тот же день; но даже если ты сама сочтешь это возможным, то скажу тебе сразу: другим эта мысль покажется совершенно недопустимой. Господи боже мой, и как это могло случиться?!

– Поверь, Стенли, господь бог тут совершенно ни при чем: эту дату выбрал мой отец – и только он один!

– Ну-у-у, я не думаю, что он решил умереть вчера вечером в Париже с единственной целью – помешать твоей свадьбе, хотя признаю, что он проявил вполне изысканный вкус, выбрав такое место для своей кончины!

– Ты его не знаешь, он способен на все, лишь бы заставить меня поплакать!

– Ладно, пей свое капучино, наслаждайся жарким солнышком, а потом будем звонить твоему будущему супругу!

Колеса «боинга-747» компании «Эр Франс» со скрежетом коснулись посадочной полосы аэропорта Кеннеди. Стоя у застекленной стены зала прилетов, Джулия смотрела на длинный гроб из красного дерева, плывущий по транспортеру вниз к катафалку. Офицер полиции аэропорта пришел за ней в зал ожидания. Джулия, секретарь ее отца, ее жених и ее лучший друг сели в мини-кар, который подвез их к самолету. Чиновник американской таможенной службы ждал ее у трапа, чтобы передать пакет, где были деловые бумаги, часы и паспорт покойного.

Джулия перелистала паспорт. Многочисленные визы красноречиво говорили о последних месяцах жизни Энтони Уолша: Санкт-Петербург, Берлин, Гонконг, Бомбей, Сайгон, Сидней... Сколько городов, где она никогда не бывала, сколько стран, которые ей так хотелось повидать вместе с ним!

Пока четверо мужчин суетились возле гроба, Джулия думала о далеких путешествиях отца в те годы, когда она, еще совсем девчонка-забияка, по любому поводу дралась на переменах в школьном дворе.

Сколько ночей провела она без сна, дожидаясь возвращения отца, сколько раз утром, по дороге в школу, прыгала по плиткам тротуара, играя в воображаемые классики и загадывая, что, если вот сейчас она не собьется, сегодня он уж наверняка приедет. А иногда ее горячая ночная молитва и в самом деле сотворяла чудо: дверь спальни открывалась, и в яркой полосе света появлялась тень Энтони Уолша. Он садился у нее в ногах и клал на одеяло маленький сверточек – его следовало распечатать поутру. Этими подарками было озарено все детство Джулии: из каждого путешествия отец привозил дочери какую-нибудь забавную вещицу, которая хоть немного рассказывала ей о том, где он побывал. Кукла из Мексики, кисточка для туши из Китая, деревянная фигурка из Венгрии, браслет из Гватемалы – для девочки это были подлинные сокровища.

А потом у ее матери появились первые симптомы душевного расстройства. Джулия помнила, какое смятение охватило ее однажды в кино, на воскресном сеансе, когда мать в середине фильма вдруг спросила, зачем погасили свет. Ее разум катастрофически слабел, провалы в памяти, поначалу незначительные, становились все серьезней: она начала путать кухню с музыкальным салоном, и это давало повод для душераздирающих воплей: «Куда исчез рояль?» Вначале она удивлялась пропаже вещей, потом стала забывать имена тех, кто жил с ней рядом. Настоящим ужасом был отмечен день, когда она воскликнула при виде

Джулии: «Откуда в моем доме взялась эта хорошенькая девочка?» И бесконечная пустота того декабря, когда за матерью приехала «скорая»: она подожгла на себе халат и спокойно наблюдала, как он горит, очень довольная, что научилась добывать огонь, закуривая сигарету, а ведь она никогда не курила.

Вот такая была мама у Джулии; несколько лет спустя она умерла в клинике Нью-Джерси, так и не узнав родную дочь. Траур совпал с отрочеством Джулии, когда она бесконечными вечерами корпела над уроками под присмотром личного секретаря отца – сам он по-прежнему разъезжал по свету, только поездки эти становились все более частыми, все более долгими. Потом был колледж, университет и уход из университета, чтобы отдаться наконец своей единственной страсти – анимации своих персонажей, она сначала рисовала их фломастерами, а потом оживляла на экране компьютера. Зверюшки почти с человеческими чертами, верные спутники и сообщники... Достаточно было одного росчерка ее карандаша, чтобы они улыбнулись ей, одного клика мыши, чтобы осушить их слезы.

– Мисс Уолш, это удостоверение личности вашего отца?

Голос таможенника вернул Джулию к действительности. Вместо ответа она коротко кивнула. Служащий поставил подпись на бланке и печать на фотографии Энтони Уолша. Эта последняя печать в паспорте с множеством виз больше не говорила ни о чем – только об исчезновении его владельца.

Гроб поставили в длинный черный катафалк. Стенли сел рядом с шофером, Адам, открыв дверцу перед Джулией, бережно посадил ее в машину. Личный секретарь Энтони Уолша примостился на скамеечке сзади, возле гроба с телом хозяина. Машина покинула летное поле, вырулила на автотрассу 678 и взяла курс на север.

В машине царило молчание. Уоллес не сводил глаз с гроба, скрывавшего останки его бывшего работодателя. Стенли упорно разглядывал свои руки, Адам смотрел на Джулию, Джулия созерцала серенький пейзаж нью-йоркского предместья.

– Вы по какой дороге поедете? – спросила она шофера, когда впереди показалась развязка, ведущая к Лонг-Айленду.

– По Уайтстоун-Бридж, мэм, – ответил тот.

– А вы не могли бы поехать по Бруклинскому мосту?

Шофер тотчас включил поворотник и перестроился в другой ряд.

– Но так нам придется сделать огромный крюк, – шепнул Адам, – он же ехал по самому короткому маршруту.

– День все равно испорчен, так почему бы нам его не порадовать?

– Кого? – спросил Адам.

– Моего отца. Давай подарим ему последнюю прогулку по Уолл-стрит, по Трибеке и Сохо, да и по Центральному парку тоже.

– Согласен, день все равно испорчен, так что если хочешь порадовать отца... – повторил Адам. – Но тогда необходимо предупредить священника, что мы опоздаем.

– Адам, вы любите собак? – спросил Стенли.

– Да... в общем, да... только они меня не любят. А почему вы спросили?

– Да так, просто интересно, – туманно ответил Стенли, опуская стекло со своей стороны.

Фургон пересек остров Манхэттен с юга на север и часом позже свернул на Двести триста третью улицу.

У главных ворот Вудлонского кладбища поднялся шлагбаум. Фургон въехал на узкую дорожку, обогнул центральную клумбу, миновал ряд фамильных склепов, поднялся по откосу над озером и затормозил перед участком, где свежеврытая могила была готова принять своего будущего обитателя.

Священник уже ждал их. Гроб установили на козлы. Адам направился к священнику, чтобы обговорить последние детали церемонии. Стенли обнял Джулию за плечи.

– О чем ты думаешь? – спросил он ее.

– О чем я могу думать в тот момент, когда хороню отца, с которым не разговаривала уже много лет?! Ты всегда задаешь ужасно странные вопросы, дорогой мой Стенли.

– Нет, на сей раз я спрашиваю вполне серьезно: о чем ты думаешь именно теперь? Ведь эта минута очень важна, ты будешь о ней вспоминать, она навсегда станет частью твоей жизни, поверь мне!

– Я думала о маме. Интересно, узнает ли она его там, на небесах, или так и будет блуждать среди облаков, неприкаянная, забыв все на свете.

– Значит, ты уже веришь в Бога?

– Нет, но лучше быть готовой к приятным сюрпризам.

– В таком случае, Джулия, дорогая, я хочу тебе кое в чем признаться, только поклянись, что не будешь смеяться надо мной: чем старше я становлюсь, тем больше верю в доброго боженьку.

Джулия ответила еле заметной грустной усмешкой:

– На самом деле, если говорить о моем отце, то я совсем не уверена, что существование Бога станет для него хорошей новостью.

– Священник хочет знать, все ли в сборе и можно ли начинать, – сказал подошедший Адам.

– Нас будет только четверо, – ответила Джулия, подзывая знаком отцовского секретаря. – Это горький удел всех великих путешественников и одиноких флибустьеров. Родных и друзей заменяют знакомые, рассеянные по всему свету... А знакомые редко приезжают издалека, чтобы поприсутствовать на

похоронах, – это не тот момент, когда можно оказать кому-то услугу или милость. Человек рождается один и умирает один.

– Эти слова изрек Будда, а твой отец, моя дорогая, был ревностным ирландским католиком, – возразил Адам.

– Доберман... Вам следовало бы завести у себя огромного добермана, Адам! – со вздохом сказал Стенли.

– Господи, да с чего вам так приспичило навязать мне собаку?!

– Ни с чего, забудьте, что я сказал.

Священник подошел к Джулии и посетовал на то, что сегодня ему приходится проводить эту скорбную церемонию, вместо того чтобы совершать обряд венчания.

– А вы не могли бы убить сразу двух зайцев? – спросила его Джулия. – На гостей мне в высшей степени наплевать. А для вашего патрона главное ведь – добрые намерения, не так ли?

– Мисс Уолш, опомнитесь!..

– Да уверяю вас, это совсем не лишено смысла: по крайней мере, тогда мой отец смог бы присутствовать на моем бракосочетании.

– Джулия! – строго осадил ее в свой черед Адам.

– Ладно, значит, все присутствующие считают мое предложение неудачным, – заключила она.

– Не желаете ли сказать несколько слов? – спросил священник.

– Мне бы, конечно, хотелось... – ответила Джулия, глядя на гроб. – А может, вы, Уоллес? – предложила она личному секретарю отца. – В конечном счете именно вы были самым верным его другом.

– Не думаю, мисс, что я способен на это, – ответил секретарь, – кроме того, мы с вашим отцом привыкли понимать друг друга без слов. Хотя... одно слово, с вашего позволения, я мог бы сказать, но не ему, а вам. Невзирая на все недостатки, которые вы ему приписываете, знайте, что он был человеком иногда жестким, часто с непонятными, даже странными причудами, но, несомненно, добрым; и еще – он вас любил.

– Так-так... если я правильно сосчитал, это не одно слово, а куда больше, – пробормотал Стенли, многозначительно кашлянув: он увидел, что глаза Джулии заволокли слезы.

Священник прочел молитву и закрыл требник. Гроб с телом Энтони Уолша медленно опустился в могилу. Джулия протянула отцовскому секретарю розу, но тот с улыбкой вернул ей цветок:

– Сначала вы, мисс.

Лепестки рассыпались, упав на деревянную крышку, за ними в могилу последовали еще три розы, и четверо проводивших Энтони Уолша в последний путь направились обратно к воротам. В дальнем конце аллеи катафалк уже уступил место двум лимузинам. Адам взял за руку свою невесту и повел ее к машине. Джулия подняла глаза к небу:

– Ни одного облачка, синева, синева, синева, одна синева, и не слишком жарко, и не холодно, и ни малейшего дуновения ветра – ну просто идеальный день для свадьбы!

– Не беспокойся, дорогая, будут еще другие погожие дни, – заверил ее Адам.

– Такие теплые, как этот? – воскликнула Джулия, широко раскинув руки. – С таким вот лазурным небосводом? С такой пышной зеленой листвой? С такими утками на озере? Нет, похоже, придется ждать будущей весны!

– Осень бывает так же прекрасна, можешь мне поверить... А с каких это пор ты любишь уток?

– Это они меня любят! Ты заметил, сколько их собралось только что на прудике, рядом с могилой отца?

– Нет, не обратил внимания, – ответил Адам, слегка обеспокоенный этим внезапным приливом восторга у своей невесты.

– Их там были десятки... да, десятки уток, с красивыми галстучками на шее; они сели на воду именно в том месте и уплыли сразу же по окончании церемонии. Это были утки-кряквы, они хотели побывать на МОЕЙ свадьбе, а вместо этого явились поддержать меня на похоронах отца.

– Джулия, мне не хотелось бы спорить с тобой сегодня, но я не думаю, что у кряквы есть на шее галстук.

– Откуда ты знаешь! Разве это ты рисуешь уток, а не я? Так вот, запомни: если я говорю, что эти кряквы облеклись в праздничный наряд, то ты должен мне верить! – вскричала Джулия.

– Хорошо, любимая, согласен, эти кряквы, все как одна, были в смокингах, а теперь поехали домой.

Возле машин их ожидали Стенли и личный секретарь. Адам вел Джулию к машине, но она вдруг остановилась перед одной из могильных плит на просторной лужайке и прочитала имя и годы жизни той, что покоилась под камнем.

– Ты ее знала? – спросил Адам.

– Это могила моей бабушки. Отныне вся моя родня лежит на этом кладбище. Я – последняя из рода Уолшей. Конечно, если не считать нескольких сотен неведомых мне дядюшек, тетюшек, кузенов и кузин, обитающих между Ирландией, Бруклином и Чикаго. Адам, извини мне эту недавнюю выходку, меня и вправду что-то занесло.

– О, ничего, дорогая; нам предстояло венчаться, но случилось несчастье. Ты похоронила отца и, вполне естественно, убита горем.

Они шагали по аллее. Оба «линкольна» были уже совсем близко.

– Ты права, – сказал Адам, в свою очередь поглядев на небо, – погода сегодня и впрямь великолепная, твой отец даже в свой смертный час ухитрился нам нагадить.

Джулия резко остановилась и выдернула свою руку из руки Адама.

– Не смотри на меня так! – умоляюще воскликнул Адам. – Ты сама сказала то же самое как минимум раз двадцать после того, как узнала о его кончине.

– Да, сказала, но я имею на это право – я, а не ты! Садись в ту машину вместе со Стенли, а я поеду в другой.

– Джулия! Я очень сожалею...

– Можешь не сожалеть, я хочу провести сегодняшний вечер одна и разобрать вещи отца, который ухитрился нам гадить вплоть до своего смертного часа, как ты выразился.

– О боже, но ведь это не мои слова, а твои! – крикнул Адам, глядя, как Джулия садится в машину.

– И последнее, Адам: я хочу, чтобы в день нашей свадьбы вокруг меня были утки-кряквы, десятки уток, слышишь? – добавила она, перед тем как хлопнуть дверцей.

«Линкольн» исчез за кладбищенскими воротами. Расстроенный Адам подошел ко второй машине и сел сзади, справа от личного секретаря.

– Нет уж, лучше фокстерьеры: они маленькие, зато кусаются очень больно, – заключил Стенли, устраиваясь впереди, рядом с шофером, которому дал знак отъезжать.

Машина, в которой ехала Джулия, медленно продвигалась по Пятой авеню под внезапно обрушившимся на город ливнем. На углу Пятьдесят восьмой улицы автомобиль надолго застрял в пробке возле большого магазина игрушек, и Джулия стала разглядывать витрину. Она узнала большую плюшевую выдру с серо-голубой шерсткой, смотревшую на нее из-за стекла.

Тилли появилась на свет в один субботний день, похожий на сегодняшний: тогда дождь хлестал так же буйно и вода струями сбегала по оконным стеклам. Джулия сидела в своем бюро, глубоко задумавшись, как вдруг эти струи обернулись в ее воображении реками, деревянные рамы – берегами Амазонки, а взвихрившаяся кучка листвы – хижинкой маленького зверька, которого грозил поглотить этот жуткий потоп, переполошивший всю колонию выдр.

Настала ночь, но дождь все не прекращался. Сидя в одиночестве в просторном компьютерном зале анимационной студии, Джулия набросала первый эскиз своего будущего персонажа. Теперь невозможно даже подсчитать, сколько тысяч часов она провела перед экраном, рисуя и раскрашивая это серо-голубое существо, продумывая каждое его движение, каждую гримаску и улыбку, чтобы вдохнуть в него жизнь. Невозможно вспомнить, сколько совещаний, перетекавших в ночные бдения, и сколько уик-эндов потребовалось, чтобы осуществить свой замысел – сочинить историю Тилли и ее братьев. Но успех этого мультфильма с лихвой вознаграждал двухлетние усилия самой Джулии и пятидесяти сотрудников, работавших под ее началом.

– Я сойду здесь и доберусь до дома пешком, – сказала Джулия шоферу.

Тот указал на грозовой ливень за окном.

– Вот и прекрасно, это первое, что мне нравится сегодня, – объявила Джулия, когда водитель закрывал за ней дверцу машины.

Он только успел увидеть, как его пассажирка кинулась к магазину игрушек. И дождь был ей нипочем – ведь Тилли, сидевшая за стеклом витрины, встретила ее улыбкой, словно обрадовалась приходу хозяйки. Джулия, не удержавшись, помахала ей; к великому удивлению Джулии, маленькая девочка, стоявшая рядом с плюшевой игрушкой, ответила тем же. Мать девочки сердито схватила ее за руку и попыталась вывести из магазина, но ребенок уперся и вдруг

бросился в широко раскрытые объятия выдры. Джулию взволновала эта сцена. Девочка цеплялась за Тилли, а мамаша шлепала ее по рукам, заставляя выпустить игрушку. Джулия вошла в магазин и направилась к ним.

– Известно ли вам, что Тилли наделена волшебными чарами? – спросила Джулия.

– Если мне понадобится помощь продавщицы, я вас позову, мисс, – отрезала женщина, испепеляя свою дочку взглядом.

– Я не продавщица, я ее мама.

– Что-что? – громко воскликнула мамаша. – Это я ее мать, попробуйте докажите, что это не так!

– Я говорю о Тилли, об этой плюшевой зверюшке – по-моему, она прониклась симпатией к вашей дочери. Это я произвела ее на свет. Позвольте мне подарить ее вашей девочке! Мне очень грустно видеть, как Тилли одиноко сидит в витрине при этом ярком освещении. В конце концов она совсем выцветет под лампами, а ведь она так гордится своей серо-голубой шубкой. Вы даже представить себе не можете, сколько часов мы трудились, чтобы подобрать нужные оттенки для макушки, шеи, животика, мордочки, нам хотелось, чтобы эти краски вернули ей улыбку, после того как река унесла ее домик.

– Ваша Тилли останется здесь, в магазине, а моя дочь должна понять, что нельзя отходить от меня, когда мы гуляем по городу! – ответила мамаша, дернув дочь за руку так сильно, что той пришлось выпустить пушистую плюшевую лапку.

– Но Тилли было бы так приятно иметь подружку, – настаивала Джулия.

– Вы хотите доставить удовольствие плюшевой игрушке? – изумленно спросила мамаша.

– Сегодня у меня особый день, и мы с Тилли были бы счастливы, да и ваша дочка, кажется, тоже. Одно короткое «да», и вы осчастливите сразу троих – неужели вам не хочется сделать нам такой подарок?

– Так вот, я говорю «нет»! Алисе не нужны подарки, да еще от незнакомой женщины. Всего хорошего, мисс! – бросила женщина, направившись к выходу.

– Алиса вполне заслужила такую игрушку, а вы пожалеете о своем отказе лет через десять! – крикнула ей вслед Джулия, с трудом сдерживая гнев.

Мамаша обернулась и смерила ее надменным взглядом:

– Вы разродились плюшевой игрушкой, а я – настоящим ребенком, так что оставьте свои нравоучения при себе, понятно?

– Вы правы, дочка – это не плюшевая игрушка, на ней не так-то просто будет зашить прорехи, сделанные жестокой рукой!

Женщина с оскорбленным видом вышла из магазина и, не оборачиваясь, удалилась в сторону Пятой авеню, таща за собой дочь.

– Прости, Тилли, дорогая, – сказала Джулия плюшевой выдре, – кажется, дипломат из меня никакой. Ты же знаешь, в этом деле я полный профан. Но не бойся, мы подыщем тебе хорошую семью, вот увидишь.

Директор магазина, внимательно наблюдавший за этой сценой, подошел к Джулии:

– Как приятно видеть вас, мисс Уолш, вы уже целый месяц к нам не заглядывали.

– В последнее время у меня было ужасно много работы.

– Ваше детище пользуется бешеным успехом, мы заказываем уже десятый экземпляр. Четыре дня в витрине и – до свиданья! – объявил директор, водворяя игрушку на место. – Хотя вот эта сидит здесь уже недели две. Но что вы хотите при такой погоде!..

– Погода тут ни при чем, – ответила Джулия. – Просто эта Тилли – уникальная привередница, она сама желает выбрать себе приемную семью.

– Ну-ну, мисс Уолш, вы это говорите каждый раз, когда заходите, – с улыбкой сказал директор.

– А потому что они все уникальные, – возразила Джулия и попрощалась.

Дождь наконец кончился. Выйдя из магазина, Джулия решила пройти пешком через Манхэттен, и вскоре ее силуэт затерялся в толпе.

Деревья на Горацио-стрит поникли под тяжестью намокшей листвы. День клонился к вечеру, и тут наконец выглянуло солнце, прежде чем погрузиться в воды Гудзона. Мягкий пурпурный свет заливал улочки квартала Вест-Виллидж. Джулия поздоровалась с хозяином греческого ресторанчика, расположенного напротив ее дома; тот суетился, накрывая к ужину столы на террасе. Ответив на приветствие, он спросил, не оставить ли для нее столик на сегодняшний вечер. Джулия вежливо отказалась, пообещав, что придет на ланч завтра, в воскресенье.

Она отперла ключом входную дверь небольшого дома, где жила, и поднялась по лестнице на верхний этаж. Стенли ждал ее, сидя на последней ступеньке.

– Ты как сюда проник?

– Меня впустил Зимур, директор магазина на первом этаже. Я ему помог снести коробки с обувью в подвал, и мы обсудили его новую коллекцию туфель – это просто чудо! Но кто может позволить себе такие произведения искусства в наши-то дни?!

– Кое-кто может, судя по тому, сколько покупателей постоянно бывает у него по воскресеньям, и очень многие, поверь, выходят с покупками, – сказала Джулия. Она спросила, открывая дверь своей квартиры:

– Тебе что-то нужно?

– Мне-то нет, а вот тебе, я уверен, нужна компания.

– Друг мой, у тебя такой неприкаянный вид, что уж и не знаю, кто из нас двоих сильнее мается от одиночества.

– Ладно, согласен потешить твое самолюбие: я сам, по своей инициативе, пришел сюда незванным гостем!

Джулия сняла габардиновый плащ и бросила его на кресло у камина. Комната благоухала глицинией, карабкавшейся вверх по красному кирпичному фасаду.

– А у тебя и вправду очень уютно, – воскликнул Стенли, бухнувшись на диван.

– Да, за этот год мне хотя бы это удалось, – сказала Джулия, открывая холодильник.

– Удалось что?

– Обустроить целый этаж этой развалюхи. Пива хочешь?

– Пиво – смерть для фигуры! Может, лучше стаканчик красного?

Джулия проворно поставила два прибора, вынула тарелку с сырами, откупорила бутылку вина, сунула в плеер диск Бэйси и знаком пригласила гостя сесть напротив нее. Стенли взглянул на этикетку каберне и восхищенно присвистнул.

– Настоящий праздничный ужин, – подтвердила Джулия, садясь за стол. – Сюда бы еще пару сотен гостей, да пирожные, да закрыть глаза – и можно подумать, будто мы на свадьбе.

– Давай-ка потанцуем, дорогая! – предложил Стенли.

Не дожидаясь согласия Джулии, он вышел из-за стола и повел ее в свинге.

– Вот видишь, у нас все-таки получился праздничный вечерок, – смеясь, сказал он.

Джулия опустила голову на его плечо:

– Что бы я без тебя делала, старина Стенли?!

– Ничего, и мне это давным-давно известно.

Музыка смолкла, и они вернулись за стол.

– Ты хотя бы позвонила Адаму?

Да, Джулия воспользовалась своей прогулкой, чтобы извиниться перед женихом. Адам сказал, что вполне понимает ее желание побыть одной. Это он должен просить у нее прощения за свою бестактность во время похорон. Даже его мать, которой он позвонил, вернувшись с кладбища, упрекнула его в не деликатности. Сегодня вечером он едет в загородный дом к родителям, чтобы провести с ними остаток выходных.

– Я начинаю думать, что твой отец поступил не так уж глупо, вынудив тебя похоронить его именно сегодня, – буркнул Стенли, подливая себе вина.

– Ты просто ненавидишь Адама!

– Я этого никогда не говорил.

– Знаешь, я целых три года прожила одна в городе, где обитают два миллиона холостяков. Адам любезен, щедр, обходителен. Он терпит мой ненормированный рабочий день. Он изо всех сил старается сделать меня счастливой, и, что самое главное, Стенли, он меня любит. Поэтому, сделай милость, будь к нему хоть немного снисходительней.

– Да я ничего не имею против твоего жениха, он поистине безупречен! Просто мне хочется видеть рядом с тобой человека, который по-настоящему вскружил бы тебе голову, пусть даже у него полным-полно недостатков, а не того, кто привлекает тебя лишь «положительными» качествами.

– Легко тебе поучать меня, а вот почему ты-то сам одинок?

– Я вовсе не одинок, моя Джулия, я вдовец, а это не одно и то же. И если человек, которого я любил, умер, это вовсе не доказывает, что он меня покинул.

Ты ведь видела Эдварда и знаешь, как он был прекрасен даже на больничной койке. Его болезнь ни на йоту не лишила его великолепия. Он шутил до самого конца, до последних слов.

– И что же это были за слова? – спросила Джулия, сжимая руку Стенли.

– Я люблю тебя!

Несколько минут они сидели молча, глядя друг на друга. Потом Стенли встал, надел куртку и поцеловал Джулию в лоб.

– Пойду спать. Сегодня вечером ты выиграла партию: одиночество достанется мне.

– Посиди еще чуть-чуть. Эти последние слова... они действительно означали, что он тебя любит?

– Какая разница, ведь он умирал оттого, что изменил мне, – с горькой улыбкой ответил Стенли.

Путру Джулия проснулась на диване и, открыв глаза, обнаружила, что Стенли перед уходом накрыл ее пледом. А сев завтракать, нашла под своей чашкой записку: «Какие бы гадости мы ни говорили друг другу, ты моя самая близкая подруга, и я тоже тебя люблю. Стенли».

В десять часов Джулия вышла из дому, решив провести день в студии. Она запаздывала со сдачей очередной работы, и совершенно ни к чему было сидеть дома без дела или, хуже того, наводить порядок в квартире, зная, что через несколько дней там опять будет кавардак. Даже Стенли нельзя позвонить, он наверняка еще спит и выползет из постели только в середине дня, если не

извлечь его силой, посулив бранч[3 - В США и Европе прием пищи, объединяющий завтрак и ланч, обычно по воскресеньям.] или блинчики с корицей.

Горацио-стрит была еще безлюдна. Джулия помахала нескольким соседям, сидевшим на террасе «Пастиса», и ускорила шаг. Дойдя до Девятой авеню, она на ходу послала нежную эсэмэску Адаму и, пройдя еще два перекрестка, вошла в здание «Челси Фармерс Маркет». Лифтер поднял ее на верхний этаж. Там она вставила бейдж в кодовый замок, охранявший доступ в студию, и толкнула тяжелую металлическую дверь.

Трое графиков уже были на своих местах. Увидев их помятые лица и кучу картонных стаканчиков из-под кофе в мусорной корзине, Джулия поняла, что они провели здесь всю ночь. Стало быть, задача, над которой ее команда билась уже не первый день, еще не решена. Никак не удавалось вывести алгоритм, который позволил бы вдохнуть жизнь в отряд стрекоз, посланных защитить замок от неминуемого нашествия армии жуков-богомолов. Производственный план, висевший на стене, указывал, что атака запрограммирована на ближайший понедельник. И если за это время эскадрилья не взлетит, то одно из двух: либо крепость без боя сдастся врагу, либо новый мультфильм выйдет с большим опозданием; оба варианта были абсолютно неприемлемы.

Джулия подкатила свое кресло к двум сотрудникам и села между ними. Рассмотрев результаты их работы, она решила объявить аврал. Обзвонив всех членов своей команды, попросила собраться через час в конференц-зале, извинившись за испорченное воскресенье. Необходимо было изучить весь объем данных, а это неизбежно займет весь день и всю ночь, чтобы к утру понедельника стрекозы поднялись в небо вымышленной страны Эноукри.

И пока ее коллеги сдавали смену, Джулия успела сбегать в супермаркет и вернуться с двумя картонными коробками, набитыми выпечкой и сэндвичами, которыми собиралась кормить свое воинство.

К полудню тридцать семь человек откликнулись на ее призыв. Мирное утреннее спокойствие студии сменилось лихорадочной суетой улья, где рисовальщики, графики, колористы, программисты и эксперты по анимации обменивались мнениями, аналитическими выкладками и самыми что ни на есть безумными идеями.

К семнадцати часам вариант, предложенный одним из сотрудников, совсем зеленым новичком, вызвал бурный взрыв эмоций и привел к совещанию в конференц-зале. Чарльз, молодой специалист по информатике, недавно принятый в их группу для подкрепления, и работал-то всего ничего, без году неделя. Когда Джулия дала ему возможность изложить свои соображения, у него сорвался голос, и его речь вылилась в невнятное бормотание. Старший программист поднял на смех этого златоуста, чем отнюдь не облегчил ему задачу. Тогда юноша уселся за компьютер и его пальцы резво забегали по клавиатуре; смешки за его спиной всё не умолкали, прошло несколько томительных минут, и вдруг наступила мертвая тишина: у стрекозы на экране затрепетали крылышки, и она взлетела, описав в небе Эноукри безукоризненный круг.

Джулия первой поздравила его, остальные тридцать пять коллег зааплодировали. Оставалось поднять в небо семьсот сорок других стрекоз в доспехах. Теперь юный волшебник повел себя куда увереннее и четко изложил алгоритм, с помощью которого можно заставить двигаться многочисленных героев мультика. Пока он разъяснял свой проект, раздался телефонный звонок. Сотрудник, снявший трубку, сделал знак Джулии, что ее вызывают, притом срочно. Она шепотом попросила соседа хорошенько запомнить все, что скажет Чарльз, и вышла из зала, чтобы поговорить по телефону в своем кабинете.

Джулия сразу же узнала голос господина Зимура, директора магазина, расположенного на первом этаже дома по Горацио-стрит. Все ясно: значит, в ее квартире опять случилась протечка, и вода льется с потолка на коллекцию обуви господина Зимура, каждая пара которой стоит ее двухнедельной зарплаты или недельной – в период распродаж. Уж кто-кто, а Джулия это хорошо знала: в прошлый раз страховой агент называл именно такие суммы, вручая господину Зимуру солидный чек для оплаты ремонта помещения. Тогда, уходя из дома, Джулия забыла отключить свою допотопную стиральную машину, но с кем из нас этого не случилось?!

Страховой агент предупредил ее, что в следующий раз откажется улаживать подобные неприятности. Да и сейчас согласился лишь потому, что Тилли – кумир его детей; с тех пор как он купил им диски с мультиком про выдру, ему удастся отсыпаться утром в воскресенье. Вот он и взялся убедить руководство компании

поощадить Джулию и не аннулировать ее страховой полис.

Что же касается самого господина Зимур, тут потребовалось куда больше дипломатических усилий. Ей пришлось пригласить его на празднование Дня благодарения, организованное Стенли, рассыпаться в извинениях, умолять о перемирии и оказывать множество других знаков внимания, чтобы восстановить их добрососедские отношения. Этот тип отличался довольно угрюмым нравом, обо всем имел собственное мнение и, как правило, смеялся только собственным шуткам.

Затаив дыхание, Джулия ждала, когда ее собеседник объявит о размерах катастрофы.

– Мисс Уолш...

– Мистер Зимур, что бы ни произошло, поверьте, я страшно сожалею...

– А я тем более сожалею, мисс Уолш, потому что у меня сумасшедший наплыв покупателей и полно всяких других дел, чтобы тратить свое время на ваших поставщиков.

Джулия попыталась унять сердцебиение и сообразить, о чем идет речь.

– Каких поставщиков?

– А это вам лучше знать, мисс!

– Простите, но я ничего не заказывала и всегда прошу доставлять мне заказы на работу.

– Ну, значит, на сей раз вышло иначе. Вам же известно, что воскресные дни у нас самые доходные, но в данный момент перед моей витриной торчит огромный фургон, и я рискую потерпеть из-за этого большие убытки. А двое верзил, которые вытащили этот короб, ваш заказ, отказываются уезжать, пока кто-нибудь не распишется за доставку. Вот я вас и спрашиваю: что нам делать?

– Короб?

– Да, короб, именно короб! Неужели я должен все повторять дважды, когда у меня там клиенты нервничают?!

– Я... прошу меня извинить, мистер Зимур, – пролепетала Джулия, – даже не знаю, что вам сказать.

– Ну, скажите, например, когда вы собираетесь прийти, чтобы я мог сообщить этим господам, сколько еще времени мы потеряем по вашей милости.

– Но я сейчас никак не могу... у меня аврал...

– А вы думаете, что я тут дурака валяю, мисс Уолш?

– Мистер Зимур, я не жду никаких заказов – ни ящиков, ни свертков, ни тем более коробов! Повторяю еще раз: это наверняка какая-то ошибка.

– А вот я даже без очков вижу, что значится на накладной, – поскольку они водрузили ваш короб прямо перед моей витриной: там крупными буквами написана ваша фамилия, а под ней наш общий адрес, а внизу указано «не кантовать»; вероятно, это опять забывчивость с вашей стороны! Память уже не в первый раз вас подводит, не так ли?

Кто же мог прислать ей этот «короб»? Вероятно, Адам решил сделать ей подарок. Или это был какой-то заказ, о котором она напрочь позабыла, например, оборудование для офиса, а она по нелепой случайности велела доставить его к себе на дом. В любом случае Джулия не могла бросить на произвол судьбы сотрудников, ведь она сама вызвала их на работу в воскресный день. Однако мрачный тон господина Зимура вынуждал ее принять решение как можно скорее, проще говоря, немедленно.

– Мистер Зимур, я думаю, что нашла решение нашей проблемы. С вашей помощью мы могли бы выйти из этого неприятного положения.

– Я снова и снова восхищаюсь вашим математическим складом ума, мисс Уолш. Я был бы счастлив услышать, что вы способны сами решить то, что я рассматриваю как вашу личную проблему, – я подчеркиваю: вашу, а не мою! – не вовлекая меня в свои дела, но, увы!.. Итак, я вас очень внимательно слушаю.

Джулия призналась ему, что прячет запасной ключ от квартиры на лестнице под ковровой дорожкой, на шестой ступеньке. Достаточно просто их сосчитать. Впрочем, если там его не окажется, значит, он лежит на седьмой или, может быть, на восьмой. Таким образом, мистер Зимур сможет открыть ее дверь, и она уверена, что как только те двое внесут груз, так сейчас же и отбудут на своем огромном фургоне, который загородил его витрину.

– И в идеале я должен подождать, пока они уедут, запереть за ними дверь вашей квартиры, так, что ли?

– Вот именно в идеале, мистер Зимур... Я не смогла бы выразиться точнее.

– Если там какое-нибудь кухонное оборудование, мисс Уолш, я бы настоятельно советовал вам вызвать для его установки квалифицированных специалистов. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду!

Джулия собралась было заверить своего соседа, что не заказывала никакого кухонного оборудования, но тот уже повесил трубку. Пожав плечами, она постояла еще несколько секунд, решая эту загадку, а потом вернулась к работе, которая занимала все ее мысли.

С наступлением ночи вся команда собралась перед экраном в просторном конференц-зале. Чарльз сел за компьютер, и результаты, которые он продемонстрировал, внушили оптимизм. Еще несколько часов работы – и «битва стрекоз» будет показана в назначенное время. Программисты выверяли свои расчеты, графики доводили до ума последние детали декораций, и Джулия почувствовала себя лишней. Она зашла в комнатку, где была устроена кухонька, и увидела там Дрэя, рисовальщика и друга, с которым ее связывали долгие годы совместной учебы.

Увидев, как она потягивается, он подумал, что у нее разболелась спина, и посоветовал идти домой и полежать. Это счастье, что она живет неподалеку от студии, так пусть воспользуется этим. Как только пробы закончатся, он ей позвонит. Джулия ответила, что тронута его заботой, но считает своим долгом находиться рядом с товарищами; на это Дрэй возразил, что ее блуждания по

кабинетам только усиливают всеобщее напряжение.

– Интересно, с каких это пор мое присутствие вас так напрягает? – возмутилась Джулия.

– Не гони волну, просто народ уже на пределе. За последние полтора месяца у нас не было ни одного выходного.

Джулия должна была находиться в отпуске до следующего воскресенья, и Дрэй признался, что коллеги уповали на это, чтобы хоть немного перевести дух.

– Мы ведь думали, ты уехала в свадебное путешествие... Только не сердись, Джулия, я всего лишь доношу глас народа, – смущенно сказал Дрэй. – Ты взяла на себя ответственность, а за это приходится платить. С тех пор как тебя назначили креативным директором, ты для нас не просто коллега, ты в некотором роде представитель власти... И вот доказательство: стоило тебе поднять трубку, как все до единого собрались на мозговой штурм, да еще в воскресенье!

– Мне кажется, дело того стоило, разве нет? Ну да ладно, я уже поняла, к чему ты клонишь, – ответила Джулия. – Поскольку мой авторитет давит на уважаемых коллег, я удаляюсь. Только обязательно позвони мне, когда закончите, и не потому, что я ваш шеф, а потому, что я тоже член команды!

Джулия схватила со спинки стула плащ, удостоверилась, что ключи лежат в кармане джинсов, и решительно направилась к лифту.

Выходя из здания, она набрала номер Адама, но телефон стоял на автоответчике.

– Это я, – проговорила Джулия. – Мне хотелось услышать твой голос. У меня выдалась скверная суббота, а потом невеселое воскресенье. Теперь уж и не знаю, так ли удачна была мысль остаться в одиночестве. Утешаюсь только тем, что я избавила тебя от своего мерзкого настроения. А сейчас меня почти силой выставили из студии мои коллеги. Хочу немножко пройтись. А ты, наверное, уже вернулся в город и лег спать. Я уверена, что твоя мать тебя сильно утомила. Ты мог бы оставить мне на автоответчике хоть несколько слов. Целую тебя. Хотела попросить, чтобы ты мне позвонил, но это глупо, раз ты все равно уже спишь. И

вообще, все, что я тут наговорила, в высшей степени глупо. До завтра. Позвони мне, когда проснешься.

Джулия кинула мобильник в сумку и зашагала по набережной. Минут через тридцать она подошла к дому и обнаружила на входной двери конверт, прикрепленный скотчем. На нем было нацарапано ее имя. Заинтригованная Джулия распечатала конверт. «Я упустил клиентку, пока занимался вашим заказом. Ключ лежит на месте. P.S.: Под ковриком на ОДИННАДЦАТОЙ ступеньке, а не на шестой, седьмой или восьмой! Приятного воскресенья!» Подписью адресата не удостоили.

– Спасибо еще, что он не указал этаж для удобства квартирных воров! – проворчала Джулия, взбираясь по лестнице.

Она почти бежала: ей не терпелось увидеть, что же находится в посылке. Наконец она вытащила ключ из-под ковровой дорожки (попутно решив приискать для него новый тайник), вошла в квартиру и включила свет.

Посреди гостиной высился поставленный на попа двухметровый ящик.

– Господи, что же это такое? – воскликнула она, роняя сумку и плащ на журнальный столик.

На квитанции, приклеенной к боковой стенке, было написано «Не кантовать», а ниже ее имя. Джулия начала с того, что обошла кругом этот огромный короб из светлого дерева. Он был слишком громоздким, чтобы она смогла передвинуть его хотя бы на несколько метров. Кроме того, она понятия не имела, как его открыть.

Адам по-прежнему не подходил к телефону; оставалось, как всегда, прибегнуть к помощи Стенли, и она набрала его номер.

– Я тебя не разбудила?

– Это в воскресенье-то вечером?! Я ждал, что ты позвонишь и я тебя куда-нибудь вытащу.

– Успокой меня: это, случайно, не ты прислал мне дурацкий ящик двухметровой высоты?

– Ты с ума сошла, Джулия?

– Ну так я и думала! Вопрос второй: как вскрыть дурацкий ящик двухметровой высоты?

– А он из чего сделан?

– Из дерева!

– Тогда, может, пилой распилить?

– Спасибо за подсказку, Стенли, сейчас пойду поищу пилу у себя в сумке или в аптечке, – съязвила Джулия.

– Не хочу быть нескромным, но что там внутри?

– А вот это и я хотела бы знать! Если желаешь удовлетворить свое любопытство, быстренько бери такси и приезжай ко мне.

– Дорогая моя, я сижу в пижаме!

– Позволь, ты ведь собирался куда-нибудь меня вытащить!

– Да, из постели!

– Ладно, буду справляться сама.

– Погоди-ка, дай подумать. На нем никакой ручки нет?

– Нет!

– И петель тоже нет?

– Я их, по крайней мере, не вижу.

– Слушай, а вдруг это произведение современного искусства – «Ящик-который-не-открывается», шедевр какого-нибудь великого художника? – хихикая, предположил Стенли.

По молчанию Джулии он понял, что выбрал неудачный момент для шуток.

– Может, попробуешь просто чуть нажать на стенку, ну знаешь, как открываются некоторые стенные шкафы? Один легкий толчок, и готово...

Пока ее друг продолжал свои объяснения, Джулия прикоснулась к передней стенке ящика и нажала на нее ладонью, как советовал Стенли. Неожиданно створка медленно повернулась.

– Алло! Алло! – заголосил Стенли в труб-ку. – Ты меня слышишь?

Джулия выронила трубку. Она в ужасе глядела на содержимое ящика: то, что она увидела, было похоже на кошмарный сон.

Голос Стенли продолжал еле слышно верещать в трубке у ее ног. Не спуская глаз с ящика, Джулия медленно нагнулась, чтобы подобрать ее.

– Стенли...

– Фу, как ты меня напугала! С тобой все в порядке?

– В общем... да...

– Если хочешь, я натяну штаны и сейчас же приеду к тебе.

– Нет, не стоит, – еле слышно сказала Джулия.

– Так тебе удалось открыть этот ящик?

– Да, – безучастно ответила она. – Я тебе позвоню... завтра.

– Слушай, я все-таки волнуюсь!

– Ничего, Стенли, ложись, отдыхай, целую тебя.

И Джулия отключила телефон.

– Господи, кто мог прислать мне ЭТО? – спросила она себя.

В ящике, лицом к ней, стояла восковая фигура в человеческий рост – точная копия Энтони Уолша. Сходство было потрясающее: если бы не закрытые глаза, ее можно было бы принять за живого человека. Джулия задыхалась, ей не хватало воздуха. Она чувствовала, как по ее спине сползают капельки пота. Она осторожно подошла ближе. Восковой двойник ее отца был выполнен с потрясающим мастерством, цвет и фактура кожи выглядели естественными до ужаса. Туфли, костюм цвета антрацит, белая полотняная рубашка – все абсолютно такое же, что неизменно носил Энтони Уолш. Ей безумно хотелось коснуться его щеки, вырвать волосок, чтобы удостовериться, что это не он сам, но Джулия и ее отец давным-давно не касались друг друга. Ни намека на поцелуи, объятия или рукопожатия – ничего, что хотя бы отдаленно походило на проявление нежности. Пропасть, разделявшая их уже долгие годы, была непреодолима, так что уж говорить об этой восковой копии!

Теперь предстояло принять какое-то решение. Кому-то пришла в голову чудовищная мысль создать двойника Энтони Уолша – куклу, подобную тем, какие выставлены в некоторых музеях восковых фигур в Квебеке, Париже и Лондоне, да еще сделать ее до жути реалистичной. Джулия едва сдерживалась, чтобы не завопить во весь голос.

Разглядывая куклу, она вдруг заметила приколотую к рукаву бумажку, на которой синей ручкой была нарисована стрелка, указывающая на верхний карман пиджака. На обороте Джулия прочла: «Включи меня». Она тотчас узнала своеобразный почерк отца.

В нагрудном кармане Энтони Уолш обычно носил шелковый платочек; теперь оттуда выглядывал кончик чего-то, похожего на дистанционный пульт. Джулия взяла его в руки. На нем была только одна квадратная белая кнопка.

Джулия почувствовала, что сейчас упадет в обморок. Может, это просто дурной сон, и через несколько минут она очнется, вся в поту, и будет смеяться над испугавшим ее бредовым видением? Подумать только, ведь она убеждала себя, глядя на опускавшийся в могилу гроб отца, что носит по нему траур чуть ли не с детства, что разлука с ним не может причинить ей горе, поскольку длится уже почти двадцать лет. Она ведь почти гордилась тем, что рассуждает так мудро и зрело, и вот теперь все же угодила в ловушку своей подсознательной привязанности... Нет, это просто смешно, смешно и нелепо! Отец бросил ее в детстве, обрек на одинокие ночи ожидания, и она не допустит, чтобы его фантом вторгался в ее жизнь взрослой женщины.

За окнами с гроыханием проехал мусоровоз, и в этом шуме не было ничего сверхъестественного. Увы, Джулии не снился дурной сон, а эта невероятная, торчавшая перед ней статуя с закрытыми глазами, казалось, ждала, решится ли она нажать на кнопку обычного пульта.

Грузовик был уже далеко, в конце улицы, и Джулия подумала: жалко, что он уехал, ведь она могла бы броситься к окну, окликнуть мусорщиков, умолить их освободить ее квартиру от этого невыразимого кошмара. Но улица была пуста.

Ее палец коснулся кнопки – совсем легонько, она все еще не находила в себе сил нажать на нее.

Нет, с этим нужно кончать. Разумнее всего закрыть ящик, найти на квитанции адрес транспортной фирмы, вызвать грузчиков с утра пораньше, приказать им увезти страшную куклу туда, где они ее взяли, и, наконец, разыскать автора этой злой шутки. Но кто же мог измыслить подобный маскарад, кто в ее окружении оказался способен на такую жестокость?

Джулия широко распахнула окно и полной грудью вдохнула мягкий ночной воздух.

Внешний мир выглядел прежним, каким она только что оставила его, переступив порог своего дома. Столики греческого ресторана были сложены штабелем на

террасе, неоновая вывеска потушена, вдали, на перекрестке, какая-то женщина выгуливала собаку – лабрадора шоколадного цвета. Пес бегал зигзагами, то и дело натягивая поводок, чтобы обнюхать уличный фонарь или стену под чьим-нибудь окном.

Затаив дыхание, Джулия глядела на зажатый в руке пульт. Тщетно перебирала она одного за другим всех своих знакомых, на ум приходило лишь одно имя; да, только один человек мог сочинить такой сценарий, такую мизансцену. Неожиданно в ней вскипел гнев, и она твердо решила проверить правильность родившегося у нее подозрения.

Ее палец нажал на кнопку, раздался легкий щелчок, глаза того, что уже не было просто манекеном, открылись, на лице промелькнула усмешка, и она услышала голос отца:

– Значит, ты уже скучаешь по мне?

5

– Я сейчас проснусь! Все, что со мной случилось сегодня вечером, не имеет отношения к реальному миру! Скажи мне это, прежде чем я соглашусь признать себя безумной!

– Ну-ну, успокойся, Джулия, – услышала она голос отца.

Шагнув вперед, он вышел из своего ящика и потянулся с болезненной гримасой. Четкость движений и даже легкие подергивания лица были потрясающе естественны.

– Не бойся, ты вовсе не сошла с ума, – продолжал он, – ты всего лишь потрясена, и я тебя понимаю: в подобных обстоятельствах это вполне нормально.

– Какое тут «нормально», ты же не можешь здесь находиться, – прошептала Джулия, мотая головой, – это просто бред!

– Правильно, но сейчас перед тобой не совсем я.

Джулия зажала рот рукой и внезапно разразилась нервным хохотом.

– Да, человеческий мозг поистине волшебная машина! Я чуть было не поверила, что это ты. На самом деле я просто-напросто сплю или хлебнула какой-то отравы по дороге домой и захмелела. Белого вина, что ли? Ну конечно, я же не переносу белое вино! Какая же я идиотка – поддалась на игру собственного воображения! – продолжала она, возбужденно шагая взад-вперед по комнате. – Признай все-таки, что из всех моих сновидений это – самое фантастическое!

– Перестань, Джулия, – мягко попросил ее отец. – Ты вовсе не спишь и находишься в здравом уме.

– Ну уж нет, позволь усомниться – потому что я вижу тебя, потому что разговариваю с тобой и потому что ты умер!

Несколько секунд Энтони Уолш молча смотрел на нее, потом благодушно признал:

– Ну конечно, Джулия, я умер!

Она, ужаснувшись, застыла на месте, а он положил руку ей на плечо и указал на диван:

– Прошу тебя, сядь на минутку и выслушай меня.

– Нет! – бросила она, высвободившись.

– Джулия, ты действительно должна выслушать то, что я хочу тебе сказать.

– А если я не хочу? Почему все должно происходить именно так, как ты решил, почему?

– Больше так не будет. Тебе достаточно еще раз нажать на кнопку этого пульта, и я опять стану недвижимым. Но в этом случае ты никогда не узнаешь, что происходит.

Джулия взглянула на предмет, зажатый в руке, подумала, стиснула зубы и нехотя села на диван, подчиняясь этому странному механизму, дьявольски похожему на ее отца.

– Слушаю, – прошептала она.

– Я знаю, что все это выглядит по меньшей мере дико. И знаю также, что мы с тобой очень давно не общались.

– Год и пять месяцев.

– Неужели так много?

– И двадцать два дня!

– Ты точно помнишь?

– Еще бы не помнить, это ведь случилось в день моего рождения. Ты вызвал своего секретаря и передал через него, чтобы тебя не ждали к началу ужина, ты подойдешь позже. Но так и не явился!

– Хоть убей, не помню!

– Зато я не забыла.

– Ну хорошо, сейчас вопрос не в этом.

– А я вообще не задавала никаких вопросов, – сухо парировала Джулия.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Все на свете имеет свое начало – это ведь одно из твоих любимых изречений, так что начни с начала и объясни, в чем дело.

– Несколько лет назад я стал акционером одной хайтековской фирмы, так их теперь называют. За несколько месяцев ее финансовые запросы сильно возросли, соответственно увеличилась моя доля в уставном капитале; словом, кончилось тем, что я вошел в административный совет.

– То есть твой концерн поглотил еще одно предприятие?

– Нет, на сей раз мои инвестиции носили личный характер; я остался рядовым акционером, таким же, как все прочие, хотя, должен признать, вложил в это дело весьма солидный пай.

– И что же разрабатывает эта фирма, в которую ты инвестировал свой солидный пай?

– Андроидов.

– Кого? – воскликнула Джулия.

– Ты не ослышалась, я сказал «андроидов». Ну, или гуманоидов, если тебе это больше нравится.

– Для чего?

– Мы не первые, кто задумал создавать роботов в человеческом обличье, чтобы избавить людей от тех работ, которые они больше не хотят выполнять своими руками.

– Ага, значит, ты вернулся на землю, чтобы вместо меня пылесосить квартиру?

– ...и ходить за покупками, и содержать дом в чистоте, и подходить к телефону, и отвечать на все вопросы – да, но это лишь часть того, что могут выполнять такие устройства. Однако фирма, о которой я говорю, разработала гораздо более сложный и в некотором смысле более амбициозный проект.

– А именно?

– А именно дать возможность своим пайщикам прожить еще несколько дополнительных дней...

Джулия изумленно уставилась на него, не понимая, что он хотел этим сказать. Энтони Уолш добавил:

– Еще несколько дней... после смерти.

– Это что, шутка такая? – спросила Джулия.

– Ну, если вспомнить, какое у тебя было лицо, когда ты открыла ящик, то эта шутка, как ты ее назвала, вполне удалась, – ответил Энтони Уолш, разглядывая себя в висевшем на стене зеркале. – Должен сказать, что я получился почти безупречным. Хотя, мне кажется, у меня никогда не было таких резких морщин на лбу. Тут они чуточку перестарались.

– Морщины у тебя были еще во времена моего детства; может, ты потом и сделал подтяжку – во всяком случае, не думаю, что они исчезли сами собой.

– Спасибо! – с сияющей улыбкой ответил Энтони Уолш.

Джулия встала и подошла к нему, чтобы его потрогать. Если перед ней действительно была машина, то, надо признать, сделанная великолепно.

– Но это же невозможно... это просто технически невозможно!

– Вспомни, что ты делала вчера, сидя за компьютером: год назад ты бы поклялась, что и это тоже невозможно.

Джулия ушла на кухню, села за стол и стиснула голову руками.

– Мы вложили сумасшедшие деньги в это предприятие, чтобы добиться подобных результатов, и должен тебе сказать, что я – всего лишь опытная модель, прототип будущих изделий. Ты первая из наших клиенток и, разумеется, получишь меня бесплатно. Это подарок! – самодовольно добавил Энтони Уолш.

– Подарок?! Хотела бы я видеть сумасшедшего, которому понравятся такие подарочки!

– О, ты даже не представляешь, сколько людей думают в последние мгновения своей жизни: «Если бы я только знал, если бы мог понять, если бы я мог им сказать, если бы они знали...» – И, глядя на изумленную Джулию, Энтони Уолш добавил: – У нас будет огромный рынок сбыта!

– А эта... эта машина, с которой я разговариваю, действительно ты?

– Почти! Скажем так: она содержит мою память и бо?льшую часть коры головного мозга; это сложнейшее устройство, состоящее из миллионов процессоров, способно воспроизводить благодаря особой технологии цвет и фактуру кожи, а также почти идеально выполнять все функции человеческого тела.

– Но для чего? Зачем? – тоскливо спросила Джулия.

– Чтобы получить в свое распоряжение те несколько дней, которых нам всегда не хватает при жизни, те несколько часов, которые мы еще можем вырвать у вечности; просто для того, чтобы мы с тобой наконец-то смогли сказать друг другу все, чего недосказали раньше.

Джулия встала с дивана и зашагала взад-вперед по гостиной, то смиряясь с неожиданной ситуацией, то отбрасывая ее как невозможную. Зайдя на кухню, она залпом осушила полный стакан воды и вернулась к Энтони Уолшу.

– Все равно никто мне не поверит! – объявила она, нарушив тяжелое молчание.

– Но ведь именно это ты говоришь себе всякий раз, когда придумываешь очередную свою историю! Именно об этом непрерывно думаешь, пока твой карандаш скользит по бумаге, оживляя твои персонажи. Когда я отказывался верить в твою работу, вспомни, сколько раз ты меня обвиняла в том, что я невежда и ничего не смыслю в могуществе воображения. Сколько раз объясняла, что тысячи детей уводят своих родителей за собой в сказочные

миры, которые ты и твои друзья создают на экране. Вспомни, как ты объявила мне, что вопреки моим сомнениям эта профессия принесла тебе премию. Ты создала выдру невообразимого цвета, и ты же первая поверила в нее. Так неужели теперь, когда у тебя на глазах ожил необычный персонаж, ты отказываешься верить в него только потому, что у него внешность не какого-то странного зверька, а твоего отца?! Если это так, то делать нечего; я ведь уже сказал: тебе достаточно нажать на эту кнопку! – заключил Энтони Уолш, указав на пульт, который Джулия забыла на столе.

Джулия иронически зааплодировала.

– О, пожалуйста, не пользуйся тем, что я умер, – это не дает тебе права насмехаться надо мной!

– Если мне и вправду достаточно нажать на кнопку, чтобы заткнуть тебе рот, то я уж как-нибудь возьму на себя труд сделать это!

Лицо Энтони Уолша омрачила тень, хорошо знакомая Джулии: она всегда предвещала его гнев, – как вдруг с улицы донеслись два отрывистых автомобильных гудка.

У Джулии панически заколотилось сердце. Этот скрежет коробки скоростей она узнала бы среди сотен других звуков: он раздавался всякий раз, как Адам включал задний ход. Сомнений не было – он парковал машину перед ее домом.

– О черт! – прошептала Джулия, бросившись к окну.

– Кто это? – спросил ее отец.

– Адам!

– Кто?

– Человек, за которого я должна была выйти замуж в эту субботу.

– Почему «должна была»?

– Потому что в субботу я была на твоих похоронах!

– Вот как?!

– Да, вот так! Но об этом мы поговорим позже. А пока давай-ка возвращайся в свой ящик!

– Не понял?

– Как только Адаму удастся исполнить свой цирковой номер – припарковаться, на что нужно еще несколько минут, он поднимется сюда, ко мне. Я отменила свадьбу, чтобы присутствовать на твоих похоронах, поэтому сделай милость, постарайся не встретиться с ним у меня в квартире, буду тебе очень благодарна!

– Не понимаю, зачем это нужно – хранить столь бесполезную тайну. Если ты собиралась делить свою жизнь с этим человеком, ты должна всецело доверять ему. С твоего позволения, я прекрасно могу сам объяснить ему сложившуюся ситуацию, как только что объяснил тебе.

– Во-первых, будь любезен не говорить об этом в прошедшем времени: что значит «собиралась»? Свадьба всего лишь отложена. Что же касается твоих объяснений, в этом как раз и заключается проблема: если уж мне трудно в них поверить, то не требуй от Адама невозможного.

– А может, у него более широкий взгляд на вещи, чем у тебя?

– Адам не способен включить даже видеомэгнитофон, и я сильно сомневаюсь, что он разберется в устройстве андроида. Так что залезай обратно в свой ящик, и поживей!

– Позволь мне заметить, что это дурацкая мысль.

Джулия разъяренно взглянула на отца.

– Да, именно дурацкая, и не смотри на меня так сердито, – продолжал тот. – Подумай хоть пару секунд! У тебя посреди гостиной стоит двухметровый закрытый ящик – тебе не кажется, что Адама заинтересует его содержимое?

Джулия смолчала, и Энтони удовлетворенно добавил:

– Ну вот видишь!

– Ладно, придумай что-нибудь другое, только поскорей! – взмолилась Джулия, выглянув в окно. – Спрячься где-нибудь, он уже заглушил мотор.

Энтони Уолш огляделся и скептически присвистнул.

– Где тут спрячешься, квартирка-то у тебя тесновата, – констатировал он.

– Она ровно такая, какая мне нужна, а другие мне не по средствам.

– Н-да, похоже на то. Будь здесь... ну, скажем... еще хоть одна маленькая гостиная, библиотека, бильярдная... да просто какой-нибудь чулан, я мог бы затаиться там и переждать. Но эти современные «студии»... Что за причуда – жить в такой конуре! Тут и не пахнет уютом!

– У большинства людей нет в квартире ни библиотеки, ни бильярдной – и ничего, обходятся!

– Ты имеешь в виду своих друзей, дорогая!

Джулия повернулась и бросила на отца мрачный взгляд:

– Слушай, ты довольно попортил мне жизнь, пока был жив, а теперь выбросил три миллиарда на эту машину, чтобы доставать меня еще и после своей смерти? Так, что ли?

– Пусть я и опытная модель, все равно эта «машина», как ты ее называешь, вовсе не стоит таких бешеных денег, иначе вряд ли кто-нибудь еще позволит себе такую роскошь.

– Да неужели? А твои друзья? – ехидно парировала Джулия.

– У тебя и вправду скверный характер, моя дорогая Джулия. Ладно, хватит препираться, ты забыла, что твой отец должен срочно исчезнуть, едва появившись вторично на свет божий. Что там у вас наверху – чердак, мезонин?

– Еще одна квартира!

– И там, наверное, живет соседка, с которой ты достаточно хорошо знакома, чтобы я мог позвонить к ней в дверь и попросить, например, масла или соли, а ты тем временем сплaviшь своего нареченного.

Джулия вдруг ринулась в кухню и начала лихорадочно выдвигать ящики буфета.

– Что ты ищешь?

– Ключ! – шепнула она, прислушиваясь к голосу Адама, звавшего ее с улицы.

– Надеюсь, ты ищешь ключ именно от верхней квартиры? Предупреждаю: если ты намерена отправить меня в погреб, я рискую столкнуться на лестнице с твоим женихом.

– Да эта верхняя квартира принадлежит мне! Я купила ее в прошлом году на свою премию, но еще не успела отремонтировать, так что пока там полный кавардак.

– Разве только там? Неужели ты считаешь, что здесь убрано?

– Еще одно слово – и я тебя убью!

– Не хочу тебя разочаровывать, но боюсь, ты опоздала, моя милая. И потом, если бы ты наводила здесь порядок, давно бы уж заметила, что на гвоздике у плиты висят ключи.

Джулия подняла голову и бросилась к плите. Схватив связку ключей, она сунула ее отцу:

– Поднимайся и не вздумай шуметь. Он знает, что наверху никто не живет.

– Тебе следовало бы выйти и поговорить с ним, вместо того чтобы читать мне наставления; он так надрывается, вызывая тебя, что в конце концов перебудит весь квартал.

Джулия подбежала к окну и выглянула наружу.

– Я звонил в дверь раз десять, не меньше! – крикнул ей Адам, отступив назад.

– Извини, домофон, кажется, сломан, – ответила Джулия.

– Ты разве меня не слышала?

– Да... то есть нет... вот только сейчас. Я смотрела телевизор.

– Так ты откроешь?

– Да... конечно, – нерешительно сказала Джулия, не отходя от окна и дожидаясь, когда за ее отцом захлопнется дверь.

– Похоже, мой неожиданный визит тебя несказанно обрадовал.

– Естественно, обрадовал! К чему эта ирония?

– А к тому, что ты до сих пор держишь меня на улице. Когда я прослушал твое послание, я понял, что ты не в лучшей форме... В общем, мне показалось... короче, я возвращался из загородного дома и решил заглянуть к тебе, но если ты хочешь, чтобы я уехал...

– Конечно нет; сейчас открою!

Джулия подошла к домофону, нажала на кнопку и услышала внизу глухой щелчок, а затем шаги Адама на лестнице. Она торопливо забежала в кухню, схватила пульт с белой кнопкой, тут же с ужасом отбросила его, вспомнив, что им невозможно включить телевизор, открыла ящик стола и достала другой пульт, моля бога, чтобы в нем не сели батарейки. Экран засветился в тот самый миг, когда Адам вошел в квартиру.

– С каких это пор ты не запираешь дверь? – спросил он.

– Я ее только что открыла, чтобы впустить тебя, – нашла Джулия, мысленно проклиная отца за небрежность.

Адам снял куртку и, бросив ее на стул, воззрился на экран, на котором бушевала «пурга».

– Ты действительно смотрела телевизор? А мне казалось, что ты его не выносишь.

– Один раз не в счет, – ответила Джулия, пытаясь казаться спокойной.

– Должен сказать, ты выбрала не самую увлекательную программу.

– Не смейся надо мной, я просто хотела его выключить, но, видно, нажала не на ту кнопку.

Адам оглядел гостиную и обнаружил странный предмет.

– Ну что еще? – спросила Джулия с наигранным недовольством.

– На тот случай, если это ускользнуло от твоего внимания, сообщаю: посреди твоей комнаты стоит ящик двухметровой высоты.

Джулия пустилась в путаные объяснения. Это просто-напросто специальная тара для отправки забарахлившего компьютера, которую вместо офиса по ошибке доставили к ней на дом.

– Наверно, он на редкость хрупкий, если вы собираетесь запаковать его в такой огромный ящик.

– Д-да, это очень сложное устройство, – добавила Джулия, – и потом, оно довольно объемистое... в общем, оно действительно очень хрупкое!

– И они, значит, ошиблись адресом? – продолжал выпрашивать заинтригованный Адам.

– Да... вернее, это я ошиблась, заполняя бланк заказа. Знаешь, я так безумно устала за последние недели, сама уже не ведаю, что творю.

– Будь осторожна, тебя ведь могут обвинить в расхищении казенного имущества.

– Не бойся, никто меня ни в чем не обвинит, – отрезала Джулия, и, хотя она сдерживалась изо всех сил, в ее тоне прозвучало легкое нетерпение.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

– С чего ты взял?

– С того, что мне пришлось звонить внизу раз десять и вопить на всю улицу, пока ты не подошла к окну; с того, что я застаю тебя в непонятном смятении; с того, что телевизор у тебя включен, а антенна выключена... да что говорить – посмотри на себя! Ты какая-то странная сегодня, вот и все.

– И ты подозреваешь, что я от тебя что-то скрываю, не так ли, Адам? – с нескрываемым раздражением подхватила Джулия.

– Не знаю... я вовсе не это имел в виду... Решай сама, сказать мне или нет.

Джулия рывком распахнула дверь спальни, а следом за ней дверцу расположенной позади гардеробной, потом направилась в кухню и стала открывать все шкафчики подряд, начав с того, что висел над раковиной, и так вплоть до самого последнего.

– Господи боже, что ты делаешь? – испуганно спросил Адам.

– Ищу, куда я запрятала своего любовника, – ты разве не это хотел узнать?

– Джулия!

– Что «Джулия»?

Начинавшуюся размолвку прервал телефонный звонок, и они оба с интересом уставились на аппарат. Джулия сняла трубку, выслушала чье-то длинное сообщение, поблагодарила за звонок и, перед тем как попрощаться, поздравила звонившего.

– Кто это был?

– С работы. Они наконец решили ту проблему, которая тормозила выпуск нашего мультика, и теперь мы уложимся в срок.

– Вот видишь, – растроганно сказал Адам. – Значит, мы можем уехать завтра утром в свадебное путешествие, как и наметили, и ты будешь отдыхать с легким сердцем.

– Знаешь, Адам... я страшно сожалею... если бы ты знал, как мне жаль, но... я должна вернуть тебе билеты, они там, на письменном столе.

– Можешь их выбросить или оставить себе на память: их нельзя ни сдать, ни обменять.

Джулия состроила свою обычную гримаску, с горестным видом подняв брови. Так она делала всякий раз, когда воздерживалась от комментариев на неприятную тему. Адам тотчас начал оправдываться:

– Только не смотри на меня так! Согласись, редко кто отменяет свадебное путешествие за три дня до отъезда! А может, мы все-таки могли бы уехать...

– Потому что твои билеты нельзя вернуть и получить назад деньги?

– Я вовсе не это имел в виду, – возразил Адам, обняв невесту. – Но я вижу, что с тех пор как ты мне звонила, настроение у тебя не улучшилось, мне не следовало приходить. Ты хочешь побыть одна; я уже сказал и повторяю снова, что мне это по-человечески понятно. Лучше я поеду домой, а завтра все будет по-другому.

В тот миг, как он переступал порог, наверху раздалось легкое поскрипывание. Адам поднял голову, прислушался и взглянул на Джулию.

– Адам, только не начинай снова! Там, наверное, просто крыса пробежала.

– Ох, не понимаю, как ты можешь существовать в этом бардаке.

– Мне здесь хорошо. Вот увидишь, когда-нибудь я накоплю денег и смогу жить в большой квартире.

– Напоминаю, что в эту субботу мы должны были пожениться, так что ты могла бы сказать не «я», а «мы»!

– Ну извини, я неудачно выразилась.

– И долго ты еще собираешься бегать взад-вперед между твоей жалкой студией и моей двухкомнатной квартиркой, которую считаешь слишком тесной?

– Адам, давай не будем опять вступать в эту бесконечную дискуссию, сегодня вечером я не настроена спорить. Обещаю тебе, как только мы сделаем ремонт и соединим оба этажа, у нас хватит места для двоих.

– Вот только потому, что я тебя люблю, я согласился потерпеть и не вырывать тебя отсюда. Ты, кажется, к этому месту привязана больше, чем ко мне; но, если бы ты очень захотела, мы могли бы уже сейчас жить здесь вдвоем.

– На что ты намекаешь? – подозрительно спросила Джулия. – Если на деньги моего отца, то я отказывалась от них при его жизни и уж конечно не изменю своего решения после его смерти. А теперь я хочу лечь спать; поскольку свадебное путешествие отменяется, у меня завтра будет трудный рабочий день.

– Ты права, иди-ка спать, а твою последнюю реплику я объясняю лишь усталостью.

Адам пожал плечами и вышел; спускаясь по лестнице, он даже не обернулся, чтобы помахать рукой в ответ на прощальный жест Джулии. Наконец внизу хлопнула дверь.

– Благодарю за крысу! Я все слышал! – воскликнул Энтони Уолш, снова входя в квартирку Джулии.

– А ты бы предпочел, чтоб я ему сказала правду: мол, там, наверху, у нас над головой, расхаживает андроид последней модели, точная копия моего отца? Вот тогда он точно вызвал бы «скорую» и отправил меня в психушку.

– А что, это было бы очень пикантно! – со смехом возразил Энтони Уолш.

– Если ты желаешь продолжить обмен любезностями, изволь, – сказала Джулия, – во-первых, я хочу тебя поблагодарить за то, что ты испортил мне свадебную церемонию.

– Ну извини, что я умер, дорогая!

– Во-вторых, отдельное спасибо за то, что ты поссорил меня с хозяином магазина на первом этаже, теперь он будет много месяцев смотреть на меня зверем.

– Какой-то жалкий торговец обувью! Да плевать я на него хотел!

– Вот именно, обувью! А что у тебя на ногах, как не обувь? В-третьих, спасибо за то, что ты испортил мне единственный свободный вечер на этой неделе!

– В твоём возрасте я отдыхал только в День благодарения!

– Я знаю! И наконец, моя последняя благодарность за то, что из-за тебя я обошлась со своим женихом как последняя стерва, это уж полностью твоя заслуга!

– Но я ни сном ни духом не виноват в вашей размолвке, всему причиной твой характер, а я совершенно ни при чем!

– Ты... ни при чем? – вскричала Джулия.

– Ну, может быть, отчасти... Слушай, давай заключим мир, а?

– Мир?! За этот вечер? За вчерашний день? За все прошлые годы молчания? Или, может, за все наши войны?

– Я никогда не воевал с тобой, Джулия, милая. Я часто отсутствовал, это правда, но вовсе не питал к тебе враждебных чувств.

– Надеюсь, это ты так шутишь? Ты же всегда старался меня контролировать даже на расстоянии, действовал самыми недостойными методами. Хотя, впрочем, что это я так разошлась?! Я же говорю с мертвецом!

– Можешь выключить меня, если хочешь.

– Возможно, именно так мне и следовало бы поступить. Засунуть тебя обратно в этот ящик и отослать назад в эту пресловутую хайтековскую фирму, как ее там?

– 1-800-300-00-01, код 654.

Джулия осеклась и удивленно взглянула на него.

– Это телефон пресловутой фирмы, – пояснил Энтони Уолш. – Тебе достаточно набрать номер, указать код, и они выключат меня на расстоянии, если у тебя самой не хватит мужества, а потом в течение суток избавят от моего присутствия. Но сперва подумай хорошенько, стоит ли это делать. Тысячи людей мечтают провести еще хоть несколько дней с умершим отцом или матерью. Второго такого шанса у тебя не будет. В нашем распоряжении всего шесть дней, ни днем больше.

– Почему именно шесть?

– Мы остановились на этом варианте из этических соображений.

– То есть?

– Ты сама должна понимать, что подобное изобретение неизбежно создает некоторые проблемы морального порядка. И мы сошлись на том, что самое

важное – не дать нашим клиентам привязаться к этим... устройствам, какими бы совершенными они ни были. До сих пор у человека было немало способов общаться с живыми после своей кончины – посредством завещания, книг, аудио- и видеозаписей. В данном же случае предлагается сверхсовременный и, главное, интерактивный способ общения! – воскликнул Энтони Уолш с таким воодушевлением, как будто убеждал потенциального покупателя. – И теперь мы можем предложить тому или той, кому предстоит умереть, гораздо более совершенное, нежели бумага или видео, средство выразить свою последнюю волю, а живым дать шанс прожить еще несколько дней в обществе любимого человека. Но при этом лишаем их возможности проникнуться нежными чувствами к нашим механическим созданиям. Мы приняли во внимание все известные ранее прецеденты. Не знаю, помнишь ли ты, но много лет назад в магазинах продавались куклы-младенцы, сделанные до того искусно, что некоторые покупатели в конце концов начинали обращаться с ними как с живыми детьми. И мы не хотим повторять этот извращенный опыт. Мы решили не допускать, чтобы люди вечно хранили у себя клон отца или матери, как это ни заманчиво.

Энтони взглянул на задумчивое лицо Джулии.

– Ну, во всяком случае, не допустим, насколько это зависит от нас... Словом, к концу недели батарейки истощаются, и перезарядить их невозможно. Все содержимое блока памяти стирается начисто, и последние признаки жизни окончательно исчезают.

– Неужели нет никакой возможности помешать этому?

– Нет, все было тщательно продумано. Если какой-нибудь умелец попытается добраться до батареек, вся информация, заложенная в памяти, тотчас сотрется. Грустно признаться – по крайней мере, грустно для меня, – но я подобен одноразовому карманному фонарику. Шесть дней света, а дальше – роковой прыжок в бездну. Шесть дней, Джулия, всего шесть коротких дней, чтобы наверстать упущенное время... решай же, тебе решать!

– Н-да, такая дьявольская мысль могла прийти только в твою голову. Я уверена, что ты в этой фирме был далеко не простым акционером.

– Если ты все-таки решишь сыграть в эту игру, то мне хотелось бы – во всяком случае, пока тебе не вздумается нажать на кнопку моего пульта и выключить меня, – чтобы ты говорила обо мне в настоящем времени. Пусть это будет скромной наградой за мои старания, если угодно.

– Шесть дней! Почти неделя! У меня уже целую вечность не было такого отпуска!

– Как видно, яблоко от яблони недалеко падает.

Джулия испепелила отца яростным взглядом.

– О, я пошутил, ты не должна принимать мои слова так близко к сердцу! – извинился Энтони.

– А что я скажу Адаму?

– Ну, ты, кажется, вполне успешно вышла из положения, когда только что лгала ему.

– Я не лгала, а кое-что скрыла от него, это не одно и то же.

– Извини, такие тонкие нюансы от меня ускользают. Ну что ж, ты просто будешь и дальше... э-э-э... кое-что скрывать от него, вот и все.

– А Стенли?

– Это твой друг-гомик?

– Просто друг, притом самый близкий!

– Да-да, я именно его имел в виду, – подтвердил Энтони Уолш. – Если он действительно твой самый близкий друг, придется тебе проявить всю свою изобретательность.

– А ты, значит, собираешься сидеть тут весь день, пока я буду на работе?

– Но ты же хотела уехать на несколько дней в свадебное путешествие, не правда ли? Следовательно, твое отсутствие на работе никого не удивит.

– А откуда тебе известно, что я должна была уехать?

– Пол в твоей верхней квартире – он же потолок в нижней – лишен звукоизоляции. Это вечная проблема старых заброшенных домов.

– Энтони, прекрати! – взорвалась Джулия.

– Ох, умоляю тебя, даже если я всего лишь машина, зови меня папой; я терпеть не могу, когда ты величаешь меня по имени.

– Черт подери, да я уже двадцать лет не зову тебя папой!

– Тем более стоит начать, чтобы в полной мере использовать эти шесть дней! – с широкой улыбкой ответил Энтони Уолш.

– Убей меня бог, если я знаю, что мне делать! – прошептала Джулия, направившись к окну.

– Ложись-ка спать, утро вечера мудренее. Ты первый человек на этой земле, кому представился такой выбор, – стоит обдумать его на свежую голову. Завтра утром примешь решение, и любой вариант будет во благо. В худшем случае – если ты меня выключишь – ты всего лишь немного опоздаешь на работу. Твоя свадьба повлекла бы за собой недельное отсутствие, так неужто смерть твоего папы не стоит нескольких потерянных часов работы?

Джулия долго не спускала глаз с этого странного отца – он так же пристально смотрел на нее. Если бы перед ней стоял не человек, которого она всегда безуспешно старалась разгадать, а кто-то другой, она могла бы поклясться, что в устремленном на нее взгляде мелькнула нежность. И хотя он был всего лишь подобием того, кто уже не существовал, она чуть было не пожелала ему спокойной ночи. Однако сдержалась, закрыла дверь спальни и упала на кровать.

Потекли томительные минуты, прошел час, другой. Занавеси не были задернуты, и ночной свет ложился на полки и стеллажи. В небе за окном висела полная луна

– казалось, она вот-вот окажется в комнате и поплывет по гладкому паркету. Тем временем Джулия перебирала нахлынувшие воспоминания детства. Сколько таких вот ночей провела она без сна, карауля возвращение того, кто сейчас ждал ее там, за стенкой! Сколько часов пролежала, предаваясь отроческим грезам, вслушиваясь в голос ветра, который нашептывал ей истории о путешествиях ее отца, рассказывал про дальние страны с их волшебными пейзажами! И сколько карандашных набросков она сделала, чтобы персонажи, рожденные ее фантазией, один за другим оживали, встречались друг с другом, утоляли свою жажду любви! Джулия давно поняла, что, когда в работу включается воображение, бесполезно уповать на сияние дня: дневной беспощадный свет тут же убивает грезы. Но где же пролегает граница между детскими мечтами и реальностью?

Мексиканская куколка спала рядом с гипсовой статуэткой выдры – той, первой отливки зыбкой мечты, ставшей, однако, реальностью. Джулия взяла ее в руки. Интуиция и воображение всегда были ее самыми надежными союзниками. Что ж, почему бы и не поверить...

Она отставила игрушку, накинула купальный халат и отворила дверь спальни. Энтони Уолш сидел в гостиной на диване и смотрел телевизор.

– Я позволил себе подключить антенну; что за глупость – она даже не была подсоединена! Мне всегда ужасно нравился этот сериал.

Джулия села рядом.

– В свое время мне не удалось посмотреть эту серию, – продолжал отец, – а может, я ее и видел, но забыл напрочь.

Джулия взяла пульт и выключила звук. Энтони воздел глаза к потолку.

– Ты ведь хотел поговорить? – сказала она. – Давай поговорим.

И оба замолчали. Прошло минут пятнадцать.

– Я просто в восторге; в свое время мне не удалось посмотреть эту серию, а может, я ее и видел, но забыл напрочь, – повторил Энтони Уолш, прибавляя звук.

Джулия выключила телевизор.

– To bug[4 - Здесь: У тебя сбой (англ.)]. Ты уже дважды повторил одну и ту же фразу.

Они просидели молча еще минут пятнадцать; Энтони упорно смотрел на черный экран.

– Однажды вечером мы праздновали день твоего рождения; кажется, тебе исполнилось девять, мы с тобой поужинали вдвоем в китайском ресторанчике – он тебе ужасно нравился, – а потом до самой ночи смотрели телевизор, опять-таки вдвоем, больше никого не было. Ты разлеглась на моей кровати и, даже когда все передачи закончились, созерцала «пургу» на экране; впрочем, ты не можешь этого помнить, ты была слишком мала. В конце концов ты задремала; было уже почти два часа ночи. Я хотел отнести тебя в твою комнату, но ты крепко обняла диванный валик у изголовья, и мне не удалось разнять твои руки. Так ты и проспала до утра, лежа поперек постели и занимая все пространство. А я устроился рядышком, в кресле, и провел ночь, глядя на тебя. Нет, ты этого помнить не можешь, тебе же было всего девять лет.

Джулия молчала, и Энтони Уолш снова включил телевизор.

– И откуда только берутся все эти истории? Наверное, нужна черт знает какая фантазия. Не перестаю восхищаться! Самое смешное, что рано или поздно ты действительно привязываешься к этим персонажам.

Они так и продолжали сидеть, Джулия и ее отец, бок о бок, ни о чем больше не говоря. Ее рука лежала рядом с рукой отца, но ни на миг не коснулась ее, и ни одно слово не нарушило глубокое безмолвие этой необычной ночи. И лишь когда в комнату проникли первые сполохи утренней зари, Джулия так же молча встала, прошла через гостиную к своей спальне и, обернувшись на пороге, сказала:

– Спокойной ночи.

Радиобудильник на ночном столике уже показывал девять часов. Джулия открыла глаза и одним прыжком соскочила с постели.

– О черт!

Она опрометью кинулась в ванную, ухитрившись по пути стукнуться ногой о дверной косяк.

– Уже понедельник! – простонала она. – Господи, ну и ночь!

Она задернула занавеску, включила воду и долго стояла под душем. Потом начала чистить зубы, разглядывая себя в зеркале над раковиной, и тут на нее напал какой-то истерический смех. Обмотав мокрые волосы полотенцем, Джулия завернулась в банную простыню и пошла готовить себе завтрак. Проходя через спальню, она подумала: «Сейчас глотну чаю и сразу же по звоню Стенли». Конечно, это довольно рискованно: откровенный рассказ о бредовых ночных видениях может привести к тому, что он силой уложит ее на кушетку психоаналитика, он вполне на это способен. Но бороться с искушением бесполезно, она и до полудня не дотерпит, позвонит ему или убежит сама. Такой фантастический сон заслуживал того, чтобы поделиться им с лучшим другом.

Все еще улыбаясь, она протянула руку, чтобы открыть дверь спальни и войти в гостиную, как вдруг услышала звуки, заставившие ее вздрогнуть, – позвякивание столовых приборов.

Сердце Джулии снова бешено заколотилось. Сбросив полотенца на паркет, она торопливо натянула джинсы и рубашку-поло, кое-как пригладила волосы и, взглянув на себя в зеркало, решила, что ей не мешает чуточку подрумяниться. Затем она приоткрыла дверь гостиной, выглянула и боязливо прошептала:

– Адам? Стенли?

– Я уж и не помню, что ты пила по утрам, чай или кофе, поэтому сварил кофе. – Отец стоял в кухонном отсеке гостиной, гордо воздев дымящийся кофейник. И жизнерадостно добавил: – Получилось крепковато, но я люблю именно такой.

Джулия взглянула на старый деревянный стол: ее прибор был уже на месте. Две баночки джема и баночка меда стояли в ряд, ровно по диагонали, а по бокам от них симметрично располагались масленка возле пакета с хлопьями и сахарница возле пакета молока.

– Прекрати это!

– Что именно? Что я такого опять натворил?

– Прекрати эту идиотскую игру в образцового отца. Ты ни разу в жизни не приготовил мне завтрак, так что нечего изображать заботу теперь, когда ты...

– О нет, давай-ка без прошедшего времени! Мы ведь, кажется, решили говорить друг с другом только в настоящем времени... поскольку будущее для меня теперь, увы, недоступная роскошь.

– Это правило ввел ты, а не я! Кроме того, по утрам я пью чай.

Энтони налил Джулии кофе.

– С молоком? – спросил он.

Джулия встала и взялась за электрочайник.

– Ну так что, ты уже приняла решение? – спросил Энтони Уолш, вынимая из тостера два поджаренных ломтика хлеба.

– По-моему, вчерашний вечер не слишком способствовал принятию решения, – кротко ответила Джулия.

– Ну, мне лично очень понравилось, как мы с тобой провели время, а тебе нет?

– Когда мы с тобой праздновали мой день рождения, мне исполнилось не девять лет, а десять. И мы впервые отмечали его без мамы. Это было воскресенье, а маму увезли в больницу раньше, в четверг. Тот китайский ресторан назывался «Вонг», он закрылся в прошлом году. А на следующее утро, в понедельник, на рассвете, пока я еще спала, ты собрал чемодан и уехал в аэропорт, даже не

попрощавшись со мной.

– Видишь ли, у меня была назначена деловая встреча днем в Сиэтле. Хотя нет, кажется, не в Сиэтле, а в Бостоне! Хм... надо же, не помню точно. Но я вернулся домой в четверг... или в пятницу?

– Ладно, к чему теперь все эти воспоминания! – буркнула Джулия, садясь за стол.

– А ты не находишь, что, просто перекинувшись парой фраз, мы очень многое сказали друг другу? Кстати, хочу заметить: если ты не нажмешь на кнопку, чайник никогда не закипит.

Джулия понюхала содержимое.

– По-моему, я никогда в жизни в рот его не брала, – сказала она.

– Тогда откуда ты знаешь, что он тебе не нравится? – спросил Энтони Уолш, глядя, как Джулия одним глотком осушила свою чашку.

– Оттуда! – ответила она, поморщившись и отставив чашку.

– Сперва нужно привыкнуть к его горечи... а потом начинаешь ценить ту чувственность, которая в нем таится, – сказал Энтони.

– Мне пора на работу, – прервала его Джулия, открывая баночку с медом.

– Так ты приняла решение, да или нет? Меня крайне тяготит эта неопределенность; я все-таки имею право знать, на каком я свете!

– Не требуй от меня невозможного, я не знаю, что тебе сказать. Ты и твои компаньоны забыли о другой этической проблеме.

– Интересно, о какой же?

– Этично ли вмешиваться в жизнь кого-то, кто ни о чем таком не просил.

– Кого-то? – обиженно переспросил Энтони Уолш.

– Не придирайся к словам. Я не знаю, как поступить, поэтому делай что хочешь; сними трубку, позвони им, назови код, и пусть они сами все решат... на расстоянии.

– Шесть дней, Джулия, всего-навсего шесть дней, чтобы ты могла оплакать своего отца – отца, а не кого-то чужого! – ты уверена, что не хочешь сделать выбор сама?

– И значит, предоставить тебе еще шесть дней!

– Меня уже нет на этом свете, так что же я, по-твоему, от этого выиграю? Я и подумать не мог, что когда-нибудь произнесу такие слова, однако это случилось. Впрочем, если вдуматься, ситуация довольно пикантная, – с довольной усмешкой продолжал Энтони Уолш. – Такой вариант мы тоже не предусмотрели. Просто неслыханно! Посуди сама: можно ли было предвидеть – до того, как появилось это гениальное изобретение, – что я объявлю своей дочери о собственной смерти и увижу ее реакцию?! Как ты думаешь?.. Ну ладно, раз ты даже не улыбнулась, наверное, это и в самом деле не очень смешно.

– Да уж, совсем не смешно!

– Но мне придется тебя огорчить: я не могу позвонить им. Это исключено. Единственный человек, который может закрыть программу, – это пользователь. Кроме того, я уже забыл пароль; как только я сообщил его тебе, он мгновенно стерся из моей памяти. Надеюсь, хоть ты его записала... на тот случай, если...

– 1-800-300-00-01, код 654!

– Ага, значит, ты его запомнила!

Джулия встала и подошла к раковине, поставила туда чашку, затем обернулась, пристально взглянула на отца и сняла телефонную трубку.

– Это я, – сказала она своему сотруднику. – Я решила последовать твоему совету... в общем, я беру отгул на сегодня и на завтра тоже, а может, и на

большой срок, пока еще не знаю, но буду держать тебя в курсе. Присылайте мне мейл каждый вечер, я хочу знать, как продвигается работа, и конечно, звоните, если возникнет любая, даже мелкая проблема. И последняя просьба: постарайся быть полюбезней с этим новичком, Чарльзом, мы все ему обязаны по гроб жизни. Я не хочу, чтобы наши ребята сторонились его, помоги ему влиться в коллектив. Словом, я всецело полагаюсь на тебя, Дрэй.

И Джулия повесила трубку, по-прежнему не спуская глаз с отца.

– В высшей степени разумный принцип – забота о кадрах, – объявил Энтони Уолш. – Я всегда утверждал, что успех предприятия держится на трех китах: первое – кадры, второе – кадры и третье – опять-таки кадры!

– Два дня! Я даю вам с тобой два дня, слышишь? Решай сам, соглашаться или нет. Через двое суток ты вернешь меня к моей обычной жизни, а сам...

– Шесть дней!

– Два!

– Шесть! – упрямо повторил Энтони Уолш.

Телефонный звонок прервал их торг. Энтони взял трубку, Джулия тотчас вырвала ее и судорожно сжала в руке, сделав знак отцу вести себя как можно тише. Адам беспокоился: он звонил ей на работу, но телефон не ответил. Он раскаивался в своей обидчивости и подозрениях на ее счет. Джулия извинилась за свою вчерашнюю раздражительность, поблагодарила за то, что он откликнулся на ее телефонное послание и заехал повидаться. Даже если он выбрал не совсем удачный момент, его неожиданное появление под ее окнами было очень романтичным.

Адам предложил заехать за ней к концу рабочего дня. Пока Энтони Уолш мыл посуду, производя при этом максимум шума, Джулия объясняла жениху, что смерть отца потрясла ее сильнее, чем она думала. Всю ночь ее мучили кошмары, и сейчас она просто совсем выдохлась. Так что не стоит повторять вчерашний опыт. Она спокойно отдохнет дома, вечером ляжет пораньше, а завтра или, самое позднее, послезавтра они увидятся. За это время она вернет себе имидж приличной молодой женщины, с которой он собирается вступить в брак.

– Я оказался прав: яблоко от яблони действительно недалеко падает, – сказал Энтони Уолш, когда Джулия повесила трубку.

Она зло посмотрела на него.

– Ну что опять не так?

– Ты же никогда в жизни не вымыл ни одной тарелки!

– Откуда ты знаешь? И потом, мытье посуды заложено в моей новой программе, – радостно сообщил Энтони Уолш.

Джулия оставила эту реплику без внимания и сняла с гвоздя связку ключей.

– Ты куда собралась? – спросил отец.

– Пойду наверх, приготовлю тебе комнату. Ты не будешь ночевать здесь, это совершенно невозможно: начнешь расхаживать туда-сюда по гостиной, а мне нужно отоспаться за прошлую бессонную ночь – надеюсь, тебе понятно, что я имею в виду.

– Если это из-за телевизора, я могу приглушить звук...

– Значит, так: сегодня вечером ты поднимаешься наверх, без вариантов!

– Надеюсь, ты не засунешь меня на чердак?

– Веди себя хорошо, тогда не засуну.

– Там ведь крысы... ты сама говорила, – продолжал ее отец жалобно, как наказанный ребенок.

И в тот момент, когда Джулия выходила из квартиры, Энтони сказал ей вслед, твердо и уверенно:

– Здесь мы никогда не достигнем согласия!

Джулия захлопнула дверь и поднялась наверх. Энтони Уолш взглянул на часы, вмонтированные в кухонную плиту, задумался на минуту и стал искать пульт с белой кнопкой, который Джулия оставила на столе.

Сверху до него доносились шаги дочери, скрежет передвигаемой мебели, стук оконной рамы – видимо, она открывала и закрывала окно. Когда она спустилась, отец стоял в своем ящике с пультом в руке.

– Это еще что такое? – спросила Джулия.

– Знаешь, я хочу отключиться, так оно, наверное, будет лучше для нас обоих, особенно для тебя; я ведь вижу, что стал тебе помехой.

– А я думаю, что ты не можешь этого сделать, – сказала она, вырывая у него пульт.

– Нет, я говорил, что только ты одна можешь позвонить на фирму и сообщить код, но уж на кнопку-то я еще вполне способен нажать сам, – пробурчал Энтони, выходя из ящика.

– А впрочем, поступай как тебе угодно, – ответила Джулия, возвращая ему пульт. – Ты меня совсем замучил!

Энтони Уолш положил пульт на журнальный столик и подошел к дочери:

– Скажи-ка мне, куда вы собирались ехать?

– В Монреаль, а почему ты спрашиваешь?

Отец удивленно присвистнул:

– Ну и ну... он, часом, не свихнулся, твой жених?

– А что ты имеешь против Квебека?

– О, ровно ничего! Монреаль просто очаровательный город, я сам очень приятно проводил там время. Дело не в этом. – Энтони смущенно кашлянул.

– А в чем же?

– Да в том, что...

– Ну говори же!

– Свадебное путешествие на расстояние одного часа полета... честно говоря, поездка не из шикарных! Почему бы уж тогда не отвезти тебя в кемпинг, чтобы сэкономить на отеле?!

– А может, я сама выбрала такой маршрут? Может, я влюблена в этот город; может, для меня и Адама он связан с чудесными воспоминаниями? Что ты об этом знаешь?

– Только то, что если это ты решила провести свадебную ночь в одном часе полета от своего дома, то ты не моя дочь, вот и все! – иронически объявил Энтони. – Я вполне допускаю, что тебе нравится кленовый сироп, но не до такой же степени...

– Я вижу, ты никогда не расстанешься со своими a priori, верно?

– Согласись, что мне уже поздновато меняться. Ладно, предположим, что ты решила провести самую памятную ночь в своей жизни в городе, который хорошо знаешь. Значит, прощай любовь к дальним странствиям! Прощай романтика! Портье, дайте нам номер, который мы снимали в прошлый раз, – ведь сегодняшний вечер ничем не отличается от всех предыдущих! И приготовьте наш обычный ужин, мой жених – хотя что я говорю! – мой новоиспеченный супруг терпеть не может изменять своим привычкам!

Энтони Уолш разразился язвительным хохотом.

– Ты закончил?

– Да, прости господи, как хорошо быть мертвым – можно позволить себе болтать все, что приходит в твои электронные мозги, вот наслаждение!

– Ты был прав, мы никогда не достигнем согласия, – сказала Джулия, и ее мрачный тон свел на нет веселый настрой отца.

– Во всяком случае, здесь уж точно не достигнем. Нам нужна нейтральная территория.

Джулия изумленно уставилась на него.

– Хватит нам играть в прятки в твоей квартире, давай покончим с этим. Даже с учетом комнаты наверху, куда ты решила меня засунуть, тут слишком мало места, а у нас осталось не так много драгоценных минут, которые мы сейчас растрачиваем без толку, как глупые дети. А ведь их не вернешь.

– И что же ты предлагаешь?

– Небольшое путешествие. Туда, где не будет звонков с работы и набегов твоего Адама, где мы не будем сидеть как истуканы перед телевизором, а будем гулять и свободно беседовать. Вот за этим-то я и вернулся оттуда... из такой дали... на краткий миг, всего на несколько дней, чтобы провести их с тобой вдвоем, только вдвоем, и никого больше!

– Ты просишь меня подарить тебе то, чего сам никогда не хотел дать мне, правильно я понимаю?

– Перестань воевать со мной, Джулия. Через шесть дней у тебя будет целая вечность, чтобы возобновить эту войну, а мое оружие перестанет существовать – ну, разве что в твоей памяти. Шесть дней... вот и все, что нам осталось, все, что я у тебя прошу.

– И куда же мы отправимся на такой короткий срок?

– В Монреаль!

Джулия не смогла сдержать радостную улыбку:

– В Монреаль?

– Почему бы и нет – ведь билеты нельзя ни сдать, ни компенсировать!.. Зато можно попытаться изменить имя одного из пассажиров...

Вместо ответа Джулия заколола волосы, набросила куртку на плечи и, по всей видимости, собралась уходить. Энтони встал перед дверью, загородив ей проход.

– Не гляди на меня так, ведь Адам сказал, что ты можешь их выбросить.

– На тот случай, если это ускользнуло от твоих любопытных ушей, уточняю, что он предложил мне сохранить эти билеты на память, притом говорил с иронией. Но я что-то не припомню, чтобы он советовал мне ехать в Монреаль с кем-то другим.

– Не с кем-то, а с родным отцом!

– Дай мне, пожалуйста, пройти!

– И куда же ты? – спросил Энтони Уолш, пропуская Джулию к двери.

– Подышать воздухом.

– Ты сердишься?

Вместо ответа он услышал стук каблуков на лестнице.

У перекрестка Гринвич-стрит затормозило такси, и Джулия торопливо села в машину. Она не испытывала никакого желания поглядеть вверх, на окна своего дома. И без того было ясно, что Энтони Уолш следит из окна гостиной за желтым «фордом», удалявшимся в сторону Девятой авеню. Как только автомобиль исчез за углом, Энтони прошел на кухню, снял трубку и сделал два звонка.

Джулия попросила высадить ее в начале квартала Сохо. В обычной ситуации она проделала бы пешком этот путь, который знала наизусть. Ходьба занимала минут пятнадцать, не больше, но ей так хотелось поскорее сбежать из дому, что она без колебаний украла бы чей-нибудь велосипед, оставленный без присмотра на углу ее улицы. Она толкнула дверь маленького антикварного магазина, и у входа затренькал колокольчик. Стенли, сидевший в старинном вычурном кресле, поднял голову от книги:

– Даже Грета Гарбо в «Королеве Кристине» не произвела бы такого эффекта!

– Что ты имеешь в виду?

– Твое появление, моя принцесса, твое величественное и вместе с тем устрашающее появление!

– Не смейся надо мной, сегодня неподходящий день.

– Ни один день, как бы ясен и прекрасен он ни был, нельзя прожить без малой толики иронии. Почему ты не на работе?

Джулия подошла к старинному книжному шкафчику и стала внимательно разглядывать изящные настольные часы с позолотой, стоявшие на верхней полке.

– Ты сбежала из своей конторы, чтобы узнать, который час в восемнадцатом веке? – осведомился Стенли, поправляя очки, сползшие на кончик носа.

– Очень красивая вещь.

– Да, красивая. Я и сам вполне недурен. Что стряслось?

– Ничего, просто шла мимо и решила повидаться.

– Это так же достоверно, как то, что я завтра перестану торговать Людовиком Шестнадцатым и займусь продажей поп-арта! – парировал Стенли, роняя на пол книгу.

Он выбрался из кресла и присел на угол стола из красного дерева.

– Неужели эту хорошенькую головку отягощают печальные мысли?

– Похоже на то.

И Джулия прижалась лбом к плечу Стенли.

– Да, я чувствую, мысли и в самом деле тяжелые! – сказал он, обнимая ее. – Давай-ка я приготовлю тебе чай, один мой друг присылает мне его из Вьетнама. Этот чай обезвреживает любую отраву, и ты в этом убедишься, его достоинства неоспоримы, – вероятно, потому, что у этого моего друга нет никаких достоинств.

Стенли снял с полки заварочный чайничек и включил электрический, стоявший на старинном бюро, которое служило прилавком для кассового аппарата. Несколько минут магический напиток настаивался, затем его разлили в две фарфоровые чашечки, извлеченные из того же старинного шкафа. Джулия вдохнула нежный аромат жасмина и отпила маленький глоток.

– Я слушаю тебя, и не противься, – этот божественный напиток способен развязывать язык самым упорным молчунам.

– Скажи, ты бы поехал со мной в свадебное путешествие?

– Если бы я женился на тебе, то почему бы и нет... Но для этого нужно, чтобы тебя, моя Джулия, звали Джулианом, иначе наше свадебное путешествие обернулось бы полным крахом.

– Стенли, ты не можешь на недельку закрыть свой магазин и позволить мне умыкнуть тебя...

– Звучит весьма романтично... и куда же это?

– В Монреаль.

– Ни за что на свете!

– Ты тоже что-то имеешь против Квебека?

– Я провел там полгода в невыносимых муках, похудел на три кило, и уж конечно не намерен снова набирать их за несколько дней. Квебекские рестораны притягательны до ужаса... как, впрочем, и их официанты! Кроме того, меня отнюдь не привлекает роль второго номера.

– Почему второго?

– Если я верно понял, номер первый отказался с тобой ехать?

– Это не важно! Ты все равно мне не поверишь.

– Может, для начала стоило бы объяснить, что стряслось?

– Даже если я объясню все с самого начала, ты ни за что не поверишь.

– Ну, предположим, что я круглый дурак... А вот скажи мне, когда это ты позволяла себе отдыхать целых полдня в начале рабочей недели?

И видя, что Джулия упорно молчит, Стенли продолжал:

– Ты врываешься ко мне в магазин в понедельник, с утра пораньше, при этом от тебя разит кофе, которого ты терпеть не можешь. Под твоими румянами – кстати, весьма халтурно наложенными – помятая физиономия человека, который спал считанные минуты, и в довершение всего ты просишь меня бросить все дела и заменить твоего жениха в свадебном путешествии. Что же случилось? Ты провела ночь не с Адамом, а с другим мужчиной?

– Вот уж нет! – возмутилась Джулия.

– Ладно, считай, что я ничего не спрашивал. Тогда кого или чего ты боишься?

– Ничего я не боюсь...

– Ну вот что, моя дорогая, у меня полно работы, и если ты мне больше не доверяешь, то лучше я займусь своей описью, – прервал ее Стенли, делая вид, что хочет уйти в дальнее помещение магазина.

– Когда я пришла, ты сидел и зевал над книгой! Так что врун из тебя никакой! – со смехом сказала Джулия.

– Ну наконец-то я больше не вижу эту мрачную мину! Хочешь, пойдем прогуляемся? Скоро откроются магазины, а тебе наверняка нужна пара новых туфель.

– Видел бы ты, сколько у меня в шкафу обуви, которую я ни разу не надела!

– Но я собирался купить туфли не для того, чтобы ты их надела, а чтобы поднять моей подруге настроение.

Джулия взяла в руки маленькие позолоченные часы. Стекла на циферблате не было. Она легонько провела по нему пальцем.

– А они и вправду очень красивые, – сказала она, сдвигая назад минутную стрелку.

И, словно проснувшись от ее прикосновения, часовая стрелка тоже деловито пошла в обратном направлении.

– Как было бы хорошо, если бы мы могли вернуться в прошлое...

Стенли испытующе взглянул на Джулию:

– И обратить время вспять? Сколько бы ты ни отводила стрелки назад, этому старью молодость не вернешь. – И добавил, водворяя часы на полку: – Смотри на вещи иначе: эти часы дарят нам красоту старины. А теперь, может, расскажешь наконец, что тебя гнетет?

– Если бы тебе предложили уехать... совершить путешествие по следам твоего отца, ты бы согласился?

– А чем бы я рисковал?! Лично я, будь у меня шанс отыскать хоть частичку жизни моей матери, пусть даже на краю света, давно уже сидел бы в самолете и изводил стюардесс, вместо того чтобы тратить время на болтовню с какой-то ненормальной, хотя сам же и выбрал ее себе в лучшие подруги. Так что, если тебе представилась такая возможность, поезжай не раздумывая!

– А если уже слишком поздно?

– Слишком поздно бывает только тогда, когда ситуация становится необратимой. Даже скончавшись, твой отец продолжает существовать рядом с тобой.

– О, ты даже не подозреваешь, до какой степени!..

– И что бы ты мне ни плела, тебе его не хватает.

– За долгие годы я уже смирилась с его отсутствием. И прекрасно научилась жить без него.

– Дорогая моя, даже те дети, которые никогда не знали своих биологических родителей, рано или поздно испытывают желание найти свои корни. Это жестоко по отношению к тем, кто их растил и любил, но такова уж человеческая природа. Человеку очень трудно идти по жизни, не зная, кто произвел его на свет. И поэтому, если тебе необходимо пуститься в какое-то странствие, чтобы понять, кем был твой отец, и примириться с его прошлым, отправляйся без промедления!

– Должна тебе сказать, что у нас с ним не так-то много общих воспоминаний.

– А может, их больше, чем ты думаешь? Прошу тебя, хоть один раз забудь о своей гордости, которой я всегда восхищался, и соверши это путешествие! Если не ради себя самой, то ради одной из моих самых близких подруг; когда-нибудь я тебя с ней познакомлю, из нее выйдет замечательная мамаша.

– Это еще кто? – поинтересовалась Джулия, и в ее голосе проскользнула нотка ревности.

– Ты! Ты – через несколько лет.

– Стенли, ты замечательный друг! – прошептала Джулия, нежно целуя его в щеку.

– Да я тут ни при чем, дорогая, это все чай!

– Ну, тогда поздравь своего вьетнамского приятеля; его чай и в самом деле обладает волшебными свойствами, – сказала Джулия, переступая порог.

– Ладно, если он пришелся тебе по вкусу, я заготовлю еще несколько пачек, и они будут ждать тебя по возвращении. Я покупаю его в бакалее на углу!

7

Джулия взбежала по лестнице, прыгая через ступеньки, и вошла в квартиру. Гостиная была пуста. Она позвала несколько раз, но ответа не последовало. Ни в прихожей, ни в спальне, ни в ванной, да и в комнате наверху никого не было. Джулия заметила на камине фотографию Энтони Уолша в тонкой серебряной рамочке; раньше она здесь не стояла.

– Где ты была? – спросил вдруг отцовский голос, и Джулия вздрогнула от неожиданности.

– Фу, как ты меня напугал! Куда ты подевался?

– Весьма тронут, что ты обо мне беспокоишься. Я вышел погулять. Мне стало скучно здесь одному.

– А это что такое? – спросила Джулия, ткнув пальцем в серебряную рамку.

– Я прибирал свою комнату наверху – я называю ее своей, поскольку сегодня вечером меня туда сошлют, – и чисто случайно обнаружил эту вещь... под толстым слоем пыли. Знаешь, я не собираюсь спать в комнате, где стоит моя

фотография! Вот я и принес ее сюда, но если хочешь, можешь поставить ее где-нибудь еще.

– Ты еще не раздумал совершить путешествие? – спросила Джулия.

– Я как раз вернулся из агентства; оно там, в конце твоей улицы. Ничто никогда не заменит человеческого общения. Там была очаровательная юная девушка – знаешь, она немного похожа на тебя, только улыбается... О чем это я?..

– Об очаровательной юной девушке...

– Ах да, верно! Она охотно согласилась обойти правила и тут же забарабанила по клавиатуре компьютера; это заняло у нее не меньше получаса, и я уж начал думать, не перепечатывает ли она целиком роман Хемингуэя, но нет, в конце концов ей удалось переделать и вытащить из своей машины билет на мое имя. Тогда я воспользовался ее любезностью, чтобы забронировать места бизнес-класса вместо экономического.

– Ну, с тобой не соскучишься! Значит, ты был уверен, что я соглашусь?..

– Да ни в чем я не был уверен, но раз уж ты собиралась наклеивать эти билеты в свой памятный альбом, то пусть лучше они будут первого класса. Это вопрос семейного престижа, моя дорогая!

Джулия направилась в свою комнату, и Энтони Уолш спросил, куда она снова уходит.

– Собрать дорожную сумку на ДВА дня. – Она сделала упор на цифру. – Ты ведь этого добивался?

– Наша поездка займет ШЕСТЬ дней, потому что даты отъезда и приезда изменению не подлежат: как я ни уговаривал Элоди – ту самую очаровательную девушку из агентства, о которой я тебе рассказывал, – в этом вопросе она осталась неумолимой.

– ДВА дня! – яростно прокричала Джулия из-за двери ванной.

– Ну, делай что хочешь; в худшем случае мы купим тебе там, на месте, другие джинсы. Учти, если ты сама этого не заметила, твои джинсы продрались так, что коленки видны!

– А ты сам-то поедешь с пустыми руками? – спросила Джулия, выглянув из ванной.

Энтони Уолш подошел к деревянному ящику, торчавшему посреди гостиной, и приподнял подставку, скрывавшую второе дно. В тайнике лежал черный кожаный чемоданчик.

– Они предусмотрели небольшой набор вещей, позволяющий выглядеть элегантно шесть дней – примерно на столько рассчитаны мои батарейки! – сказал он не без легкого самодовольства... – Пока тебя не было, я позволил себе взять мой паспорт, который тебе отдали. И еще, уж не обессудь, нашел и надел свои часы, – добавил он, с гордостью продемонстрировав Джулии левое запястье. – Надеюсь, ты не будешь возражать, если я поношу их несколько дней? Наступит момент, когда они вернутся к тебе... ну, ты понимаешь, что я имею в виду...

– Я была бы тебе очень благодарна, если бы ты перестал рыться в моих вещах!

– Рыться в твоих вещах, моя дорогая, – это все равно что заниматься спелеологией! Я обнаружил свои личные вещи в мешке из крафтовой бумаги, валявшемся в куче мусора на чердаке!

Джулия застегнула дорожную сумку и выставила ее в прихожую. Потом сказала отцу, что ненадолго выйдет и постарается вернуться как можно скорее. Ей предстоит объяснить свой отъезд Адаму.

– И что ты намерена ему сказать? – спросил Энтони Уолш.

– По-моему, это касается только его и меня, – отрезала Джулия.

– Мне совершенно безразлично то, что касается его, зато очень заботит все, что имеет отношение к тебе.

– Ах вот как? И это тоже заложено в твою программу?

– Какую бы причину ты ему ни назвала, я не советую тебе сообщать ему, куда мы едем.

– И я полагаю, что мне стоит прислушаться к советам отца, который может похвастаться большим опытом по части сохранения секретов.

– Прими мои рекомендации просто как дружеский совет. А теперь беги, нам нужно выехать из Манхэттена самое позднее через два часа.

Такси доставило Джулию на авеню Америки, к дому № 1350. Она вошла в высокое здание из стекла и бетона, где располагался отдел детской литературы крупного нью-йоркского издательства. В холле ее мобильник не сработал, она подошла к стойке приема посетителей и попросила телефонистку соединить ее с мистером Гуверменом.

– У тебя все в порядке? – спросил Адам, узнав голос Джулии.

– Ты на совещании?

– Мы обсуждаем макет, кончим через четверть часа. Если хочешь, я закажу столик на восемь часов у нашего итальянца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Я буду жить» (англ.).

2

Район мясных складов (англ.).

3

В США и Европе прием пищи, объединяющий завтрак и ланч, обычно по воскресеньям.

4

Здесь: У тебя сбой (англ.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mark-levi/te-slova-cto-my-ne-skazali-drug-drugu-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)